

Кристина Майер

Дочь друга

«Литнет»

2022

Майер К.

Дочь друга / К. Майер — «Литнет», 2022

- Предлагаешь стать твоей любовницей? – прямо смотрит в глаза вчерашняя девственница. - Я предлагаю тебе взрослые отношения. Между нами только секс, других партнеров не будет, пока мы вместе, - выбираю деловой тон, который использую на переговорах. - Ты в любой момент можешь уйти. Случайную беременность прерываем, это даже не обсуждается, - чуть жестче, с нажимом. - Независимо от того согласишься ты или нет, твой отец получит деньги. - Я должна переехать к тебе? - Нет. Будешь приезжать, когда я приглашу. - Девочка по вызову, - отвернувшись, хмыкает Лада. - Ты можешь отказаться... - Я отказываюсь. Но если ты еще раз захочешь заняться со мной сексом, просто предложи. Я ценю свое время так же, как ты свое и бегать по щелчку в твою постель не буду. Надеюсь, это достаточно по-взрослому?

© Майер К., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	39
Глава 16	41
Глава 17	43
Глава 18	45
Глава 19	47
Глава 20	49
Глава 21	51
Глава 22	53
Глава 23	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пролог

Глеб

Город километровых пробок...

Второй час стою. Мат и сигареты не спасают. Тут бы чего-нибудь покрепче. Готов бросить тачку и спуститься в метро. Клиенты дождутся и косо не посмотрят, но у меня загон на пунктуальности.

Голова с утра раскалывается, вчера с мужиками хорошо отдохнули – отмечали развод Кирилла. И года после свадьбы не прошло, как расстались. С Антоном спорил на десять кусков зелени, что брак долго не просуществует... на эти бабки вчера отрывались. Подлю в день свадьбы спорить на развод, но я знал, что так получится, когда впервые увидел Ирину. Чего Киру захотелось ее присвоить? Трахал бы дальше без головной боли, не пришлось бы капиталом делиться. Хотя он еще дешево отделался.

Звонок мобильного отвлекает от мыслей, но не от головной боли. Смотрю на экран секунд семь, прежде чем принять вызов.

— Глеб, здорово, не отвлекаю? — звучит в трубке голос приятеля.

— Привет, Ромашов. Говори, не отвлекаешь, я в пробке стою, — зло усмехаясь.

— Я с просьбой, — мнется, прежде чем продолжить, я не помогаю. Проси, если позвонил. Знаю, что не хочется быть обязанным, тем более давно мы с ним не пересекались. Разные города, у него семья, дочь, которую он предлагал моему брату взять в жены. Это отдельная история. Приблизительно догадываюсь, о чем... точнее, о ком пойдет речь.

— Слушаю, — когда молчание начинает напрягать.

— Моя в Москве учится, я тебе говорил. Начудила там немного... — опять пауза. — Давай без подробностей, не буду тебя грузить.

«Не хочет признаваться, что любимое чадо не идеально. Давай, не будет он меня грузить, тем более что мне неинтересно», — хмыкнув про себя.

— Ее из общаги выперли, пойти некуда, — продолжает он. — Ректору звонил, он в командировке, а я на расстоянии не могу решить вопрос. Присмотри, будь другом.

Не хочется думать, что Ромашов меня на понт берет, пытаюсь подложить под Ивана свою дочь. Степа предлагал породниться по старой дружбе, я отказал. Ну его нахрен – такие предложения рассматривать. Хорошо, что в августе меня не было в Москве, он как-то сам все уладил с поступлением и проживанием. Бизнес его тонет, вот Ромашов и пытается повыгоднее пристроить дочурку. Мою позицию по отношению к бабам он знает – секс без обязательств, поэтому расчет на младшего Тихомирова. Мы с Ванькой разные. Я жесткий, циничный, грубый. Он... он просто лучше, чем я.

— Степ, мы ведь обсуждали полгода назад. Брат жениться не собирается, тем более связываться с малолеткой, — говорю как есть. Я давно перешагнул возраст, когда боишься обидеть собеседника правдой.

— Глеб, правда помощь нужна. Лада на улице осталась, жилье по объявлениям ищет, попадет на каких-нибудь уродов, страшно за дочь, — слышу, что нервничает. — Она у меня без тормозов малость, борзая. Мое упущение, признаю. Присмотри, я в долгу не останусь.

— Я тебя услышал, адрес скинь Ивану и фото дочери, я ему наберу, он решит. Номер телефона брата я сейчас тебе сброшу.

— Спасибо, Глеб.

— Пока не за что, — скидываю вызов и сразу звоню Ивану.

— Вань, дочь Ромашова на улице осталась, он тебе сейчас адрес и фото кинет, найди девочку, помоги с жильем.

— Это ты оторву, что он на мне женить хотел? — усмехается брат. Жду, что он скажет, может и отказать. Через несколько секунд раздаётся в динамике: — Ладно, порешаю, — последнее время мы редко видимся, брат ссылаётся на занятость, хотя пашу сутками я.

Устав тащиться, сворачиваю в проулок. Лучше круг лишний сделать, чем тупо торчать в пробке. Улочки узкие, тачки везде понаставлены, не разъехаться. Следишь, чтобы ничью машину не зачесать, а тут из сквера выпрыгивает крыса, которую почему-то называют собакой, прямо под переднее колесо!

— Мля-я-я! — зла не хватает. Бью по тормозам. — Сука! — и это я не про собаку, которую переехал, а про тупую хозяйку, которая это безобразие должна носить под мышкой, а не спускать с поводка!

Тупая корова с накладными ресницами и дутыми губами! Вместо того, чтобы следить за карликовым чихуахуа, она в телефоне залипла. Селфи наше все! Я даже знаю, как это «безобразие» грамотно обозвать. Был такой «пес» у одной из моих любовниц, таскала его везде с собой.

Крики, ор, плач. Оживить пытается? Дура! Ничего внутри не дергается. Мне похер, но неприятно, потому что убил живое существо. Эта не та смерть, которая может вызвать боль. Те, что трогают душу, я всегда ношу в себе.

Меня люди ждут, а я стою и пытаюсь договориться с невменяемой бабой. Набежала куча сочувствующих зевак, ловлю на себе осуждающие взгляды. Закипаю, потому что не на меня так нужно смотреть.

Специалисты, бя. Пять минут понять не могут, дышит собака или нет. Как под колесом трехтонного крузака может выжить двухсотграммовое животное? Вызвали ветеринаров. Дебилы! Они что, время смерти должны зафиксировать, чтобы похоронные выплатили?

Смотрю на часы, меня почти час ждут. Запихнув пачку банкнот в руки хозяйке на новую живую плюшевую игрушку, иду к тачке. Тут я уже ничем помочь все равно не смогу.

— Ну ты и козел, — машет головой дерзкая девица, глядя на меня. Соплюха совсем, лет восемнадцать, вряд ли старше. — Хоть бы извинился, — не пугает ее мой взгляд, совсем безбашенная.

— Рот закрыла и пошла отсюда, пока я тебя за борзоту на кол не посадил, — цежу сквозь зубы, едва сдерживая гнев. Привычка у меня — словесно сажать на кол, но разговор о пытках, а не о том, о чем подумала мелкота смазливая. Книжки нужно умные читать, а не фантазировать. — Что щеки вспыхнули? Кол представила? — подхожу близко, почти упираюсь ей в лицо, она не отступает. — Не о том думаешь, девочка.

Красивая девочка, четкая. Правильные черты лица, пухлые губы, я бы нашел другое применение ее борзому язычку. Фигура — мечта онаниста, есть за что подержаться, и видно, что все натуральное, как я люблю.

— Да пошел ты... — кривит лицо, отзеркаливая мои эмоции. Да ну нах...

— Не нарывайся. Я наказать могу, мало не покажется, займу твой рот своим болтом, не будешь открывать его без дела, — негромко, чтобы только она слышала. Сорвала забрало, нарвалась на грубость. Не ожидала? Мой цивилизный вид ввел в заблуждение? Под этим костюмом не разглядела дикое грубое животное?

Рот свой пухлый округлила, стоит глазами хлопает. Обошел девчонку, сел за руль. Не мне воспитывать борзую малолетку. Проблем не оберешься, связавшись с ней. Там ведь в голове, несмотря на дерзость, мечта о розовых единорогах и бабках. Ну это все...

Если не совсем дура, после этого урока сделает выводы — не стоит трогать злого мужика, тем более пытаться ему предъявлять. Обычно я не реагирую на высеры, но сегодня на взводе. Неплохой контракт перехватили конкуренты. Рекламный отдел провалил презентацию нового отеля, всех разогнал, теперь набирать новый штат. Еще пробка и собака под колесом моей тачки.

Меня люди ждут, а перед глазами смазливая мордашка и «козел» в ушах стоит. Не помню, когда последний раз мне смели хамить, тем более оскорблять. Наверное, поэтому ее образ уже минут семь сидит в голове. Хочется развернуться, забрать и воспитать... так, как воспитывают красивых недалеких девочек – чтобы во всех позах, чтобы умоляла остановиться...

Зря парней сегодня отпустил, могли бы пробить девчонку: кто, откуда, сколько лет... Да ну нахрен эти мысли!

Вхожу в приемную, пожимаю клиентам руки, извиняюсь за опоздание, образ мелкой борзоты наконец-то вылетает из головы...

Дорогие мои, приглашаю вас в новую интересную историю любви с непростыми героями. Мы с Музом будем стараться)) Очень рада видеть своих любимых читателей на страницах моих книг)) Люблю... Ваша Кристина)

Глава 1

Милада

В голове бьет набатом: «Что делать?». Не хочу возвращаться в Новосиб. Не-хо-чу. Я, наверное, плохая дочь, потому что совсем не соскучилась по родителям. Вторая чашка кофе и едва сдерживаемые слезы. Даже на два месяца, пока не начнутся занятия в ВУЗе, я не хочу отсюда уезжать! Сдав последний экзамен на «отлично», не смогла порадоваться. Отец позвонил час назад и спросил, на какое число я заказала билеты.

— Я еще не заказывала, примета плохая, вдруг не сдала бы, — пробубнила в трубку, закусывая внутреннюю сторону щеки.

— Ты хоть у меня и чокнутая, но умная, сдала бы, — такая вера отца в меня совсем не окрыляет. — Я сам закажу билеты, — твердо произносит он.

— Пап, у меня тут есть возможность в одну фирму стажером устроиться... — придумываю на ходу, прокусив щеку, жмурюсь от боли.

— У меня пройдешь практику, нечего тебе все лето торчать в Москве, — строгим тоном, который позволяет себе, когда не в духе. В голосе слышится нервозность, и это передается мне.

— Пап, у тебя несерьезно, ты же понимаешь, все будут знать, что я твоя дочь, — лепечу я, не хочу его обижать, но о какой практике он говорит? В турфирме с финансовыми проблемами? Кофе подай-принеси? Предел моих мечтаний! — Да и рекламу ты на стороне заказываешь, — во рту чувствуется металлический вкус крови, потому что продолжаю жевать щеку.

— Скинь мне название фирмы, пробью, что за контора, если солидная – подумаю, — после затяжной паузы бросает он.

— Спасибо, пап... — не знаю, слышал или нет, он уже сбросил разговор.

Странно, что не стал настаивать на моем возвращении. В начале учебного года этот вопрос он даже обсуждать бы не стал. Отец переменял ко мне свое отношение после того, как я стала жить у Ивана. Удивительно, но он не интересовался моим новым знакомым, не предупреждал, что парень может мной поиграть и бросить, не спрашивал, какие у нас отношения, хотя я всегда подчеркивала, что это мой друг.

Я готова проходить бесплатную стажировку. Родители финансово помогают, Ванька не позволяет закупаться продуктами, эта статья расходов на нем. Моя стипендия уходит на дорогу и на перекусы, я даже смогла отложить неплохую сумму.

С моими связями и отсутствием диплома я могу устроиться только официанткой. Но даже разносчицей подносов не получится стать, у отца есть связи в Москве, и он обязательно выяснит, что я не работаю ни в какой крутой конторе, а с образованием «законченный первый курс» меня не возьмут ни в одну приличную фирму.

Врать отцу нет смысла, он узнает, обозлится и может поступить жестоко – забрать из моего ВУЗа документы и перевести в Новосибирский государственный университет. Что мне остается делать? На эти два месяца нырнуть с головой в проблемы семьи?

Не могу там жить. В нашем доме давно нет любви, вечные скандалы и упреки, обвинения и измены с обеих сторон. Я не занимаю ничью сторону, они оба виноваты, но я так устала за последние три года быть втянутой в их разборки, что с удовольствием сбежала в Москву, папа был пьян, когда отпустил, а потом не комильфо было забирать данное дочери слово.

Мама перестала звонить и жаловаться на отца, потому что мне резко становится некогда, когда она пытается вылить на меня груз своих проблем. Это не эгоизм, это психологическая защита, это мой предел, я больше не могу вывозить их ссоры. Этот год я шараялась от парней, потому что мне страшно вступать в отношения, у меня перед глазами дурной пример. Они не разводятся, мучают друг друга. Мирятся – и три дня в доме идиллия, а потом месяц скандалов.

На детской площадке играют дети, мамы, с важным видом дымя электронными сигаретами, обсуждают своих чад. Мне не слышно, о чем они говорят, но я приблизительно догадываюсь – обсуждают, сколько раз срыгнуло их чадо, какого цвета был стул, какое лекарство лучше всего помогает сбить температуру. Я несколько раз каталась на детских качелях, и всегда одно и то же. Мне неинтересно, я тянусь к навесному шкафу и достаю пачку обычных сигарет, которую сама туда положила месяц назад. Прикуриваю, после первых двух затяжек закашлялась, потом вроде появляется легкость в голове, руки перестают трястись. Делаю еще одну затяжку, расслабляюсь.

— Опять?! — на балконе появляется Ваня, его голос звенит от злости. Фиксируя кисть, отбирает сигарету, сминает ее в руке и выбрасывает в окно. — Я тебе сказал, чтобы эту дрянь не видел у тебя в руках?! — продолжает выговаривать. Бесится.

— Я не курю, — почему-то хочется оправдаться. Перед ним не зазорно. К Ваньке у меня особое отношение. Он мой человек. Во всех смыслах мой, кроме страсти. Я даже могу прийти к нему ночью и уснуть рядом, если мне плохо. Так я в детстве только к родителям бегала. Тогда все было хорошо.

— Это ты пока балуешься! — орет Ванька. — Не заметишь, как подсядешь, Лада. Точно по губам дам, если еще раз застану, — машет перед лицом раскрытой ладонью, но мы оба знаем, что он не ударит.

Ванька сам иногда курит, когда ему плохо, но мне не позволяет даже приближаться к сигаретам. А я и не курю, мне не нравится запах и дым, но объяснить свое поведение могу только себе. Когда человеку эмоционально плохо, физическая боль может встряхнуть, не позволить сойти с ума, не скатиться в депрессию. Я в последнее время постоянно на пределе. Моя физическая боль – сигареты.

— Я не слышала, как ты пришел, — поднимая взгляд к его лицу. Знал бы ты, как я тебя люблю... братик. Разве так бывает – мы всего два месяца знакомы, но я его будто всю жизнь знаю.

— Поэтому к сигаретам потянулась? — рвано дышит, еще не успокоился. — Лада, последнее предупреждение, — строго, а я не даю обещаний, боюсь нарушить. — Что у тебя случилось? — уже спокойнее, прижимает к своему животу мою голову и целует в макушку.

Я не жалуюсь Ваньке на каждый звонок родителей, но он знает, что у меня в семье проблемы, знает, что отец хотел выдать меня после школы замуж за сына своего партнера, чтобы объединить капиталы. Настаивал, угрожал, давил, пока я сознание не потеряла и мне скорую не вызвали.

А еще Ваньке известны подробности моего изгнания из общежития с припиской «за аморальное поведение». А я всего лишь хотела поставить своих соседок по комнате на место. Задолбали каждую ночь парней водить. Те ко мне постоянно подкатывали по-тихому, когда соседки отворачивались. Сначала – «выпили-закусили», а потом пьяные в постель, а ты лежи и наблюдай, как их белые ягодички пляшут в темноте. Не комната, а траходром. Попробуй уснуть под противные стоны и скрип старых кроватей, от которых зубы болеть начинают. Я учить в коридор сбегала, конспекты на подоконниках писала, но ни разу не наябедничала.

Сама решила с ними разобраться. За две бутылки водки договорилась с парнями, что они сделают мне длинную качественную запись со стонами, скрипами, шлепками и всей этой порнушной фигней. В самый интересный момент, когда мои соседки разбрелись со своими «мачо» по койкам, я включала запись, обломала им секс, когда на всю комнату не тихое «у-ум-м-м», а громкое «а-а-а-а... еще... глубже хочу... давай...». Когда на жалобу соседей прибежала комендантша, трое ушлепков единогласно сказали, что приходили ко мне. Мои соседки подговорили. Решили проблему – меня на улицу за нарушение дисциплины, а сами могут и дальше трахаться по-тихому.

Ванька меня с улицы подобрал, как котенка бездомного, к себе забрал. У него квартира в центре. Шикарная квартира с дорогушим ремонтом, в десяти минутах ходьбы от моего ВУЗа. Как я доверилась? Паршиво на душе было в тот день, еще собака под колесами машины на моих глазах погибла, а тут Ванька со своей открытой доброй улыбкой. Я сразу к нему потянулась. Раньше я и представить не могла, что смогу такое отчебучить – пойти к незнакомому человеку в гости, тем более к парню, и остаться у него жить.

Теперь я знала этого парня и точно могу сказать, что лучше человека не встречала. Хотя Игорь тоже неплох – мой школьный приятель, но Ваньку я люблю так, как если бы он был моим братом.

У Ваньки дофига проблем, но он ими не любит делиться. Как-то мы с ним напились, и я узнала, что у Вани несколько лет отношения с замужней женщиной. Мне бы хотелось туда влезть, копнуть поглубже, но он не позволяет. А я ее почему-то ненавижу. Ведь она обманывает их обоих. У Ваньки рак, я не знаю, насколько все серьезно, он проговорился, но больше ни на один вопрос не ответил. А у меня страх и паника. Что все очень серьезно. Он не говорит, но я стараюсь читать между строк. Например, то, что его Соня не хочет уходить от мужа, потому что там стабильность. Ванька обеспеченный молодой человек, я знаю, могу судить по дорогим вещам и покупкам. Тогда в чем стабильность? В том, что Вани может не стать? Я гоню от себя эти мысли, боюсь их. А еще Ваня безумно хочет ребенка, у него глаза хрустальными становятся, когда он об этом заговаривает, такое чувство, что хочет оставить после себя продолжение. Больно до слез. Я ни о чем не спрашиваю, не лезу больше, но очень переживаю.

— Так что у тебя случилось? — Ваня поднимает мое лицо, вытирает слезы, а я и не заметила, что плачу. Я на него минуту смотрю и молчу, а потом обнимаю, пряча на груди лицо.

— Спасибо, что ты у меня есть, — прижимаюсь тесно-тесно. Вот разве так бывает, что совсем посторонний человек стал таким родным?

— Так... ты меня пугаешь, — обнимает, а я ему рассказываю о разговоре с отцом. — Все, все... Милада, — гладит по спине, потому что я опять начинаю плакать.

— Наверное, в прошлой жизни ты был моим братом, — делюсь своими подозрениями, когда заканчиваю рассказ.

— Хреновым братом я был, если ты ревешь, — недовольный серьезный голос заставляет улыбнуться сквозь слезы. — Отец хочет, чтобы ты в Новосиб вернулась?

— Угу, — мычу ему в рубашку.

— Думаешь, опять о помолвке с каким-нибудь мажором заговорит? — чувствую, как под щекой вибрирует его грудная клетка, мой Ванька злится.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Мама вчера звонила, сообщила, что они в очередной раз разводиться собрались, — спрятав ладони между колен, стараюсь взять себя в руки. Меня отпустило, я больше не реву, но начало потряхивать. — Я сказала отцу, что у меня тут практика в солидной фирме наклеивается, он попросил данные, пробивать собрался. Я могу только название чебуречной скинуть, там мне место официантки предложили.

— Я тебе жопу напорю, если сунешься в какое-нибудь дерьмо, — сразу становится серьезным. — Найдем тебе работу, не переживай.

— В солидной фирме? — улыбаюсь. Ванька какие-то проекты на дому делает, у него целый кабинет с серьезной техникой и несколькими компьютерами, но он никогда не упоминал, на кого работает.

— В солидной, Милада. Иди, умойся, — помогает подняться и подталкивает к уборной. Сам уходит в соседнюю комнату, с кем-то говорит по телефону.

— Одевайся, поехали, я уже такси вызвал, — как только выхожу из уборной.

— Куда? — стараюсь удержать брови, которые ползут вверх.

— Лада, все разговоры потом. Глеб в аэропорт опаздывает, нам нужно поспешить, — торопит меня.

Из одежды в солидном деловом стиле у меня... нет ни-че-го. Времени нет биться о шкаф головой, и я, надев обычное голубое платье чуть ниже колен, отыскала балетки, потому что туфель нет, а с кроссами будет несолидно. Рост позволяет идти в балетках, но в последний момент мой взгляд останавливается на босоножках на небольшой танкетке. Крашу быстро ресницы и провожу блеском по губам. Мои красные глаза это не спасает, да и ладно.

Через полчаса мы стоим у кабинета гендиректора крупной строительной компании, которая занимается строительством элитных отелей и выполняет частные заказы очень богатых клиентов.

Секретарь в приемной здоровается с Иваном, демонстрируя идеально-белые зубы. Она похожа на победительницу последнего конкурса красоты, я не смотрела, но мы разрабатывали рекламную кампанию вымышленного ювелирного бренда на семинаре и использовали ее фотографии, взятые в сети.

— Проходите, Иван Владимирович, вас ждут, — улыбка не сходит с ее губ, я понимаю девушку, Ванька красавец и обаяшка.

Я нервничаю, у меня плохое предчувствие. Ваня мне не говорил в такси, что он с владельцем на короткой ноге, но, увидев табличку, на которой читаю «Тихомиров Глеб Владимирович», понимаю, что они на очень короткой ноге. Братья? Ваня брат гендиректора?

— Идем, Милада, — тянет за собой. — О моей болезни ни слова, — предупреждает тихо, прежде чем открыть дверь. Я киваю, хотя внутри меня растет протест. Почему он справляется со своей болезнью один? Я даже не знала, что у него есть семья! Мне обидно за него!

Не знаю, кого я надеялась увидеть в кресле гендира, но точно не козла, переехавшего собаку. По его сжатым челюстям поняла, что меня узнали...

Глава 2

Глеб

Брата я не видел месяца три – как ушел на удаленку, в офисе не появлялся. Ему для плодотворной работы всегда нужна была тишина, в кабинете Ивана даже дополнительную шумоизоляцию устанавливали, но, как бывает в любой компании – в разгар творческого процесса обязательно кто-нибудь дернет или ворвется в кабинет. Он злился, работа стопорилась, решил сбежать на удаленку. Я брата не стал держать, хочет работать дома – пожалуйста. Отключает связь, никто ему не мешает. Видно, так уходит в работу, что забывает о еде, заметно похудел. Нужно его протеже сказать, чтобы готовила и кормила своего спасителя.

Не сразу обращаю внимание на дочь Ромашова, которая гордо стоит за его спиной. После того, как я просил брата помочь девчонке с жильем, я ею не интересовался. А сегодня выяснил, что эти два месяца они живут вместе. Когда Ванька сказал, что ей еще и работа нужна, послал сначала, но брат умеет уговаривать. Даже решил в офис вернуться, чтобы она при нем помощницей стажировалась. Вот это заявление. Напрягся и попросил срочно приехать.

Трахает он дочь Ромашова – мне не жалко, Степан сам ее под него подложил – так я думал, пока не увидел ее в своем кабинете. Бля... это же она – борзота мелкая...

Узнала. Стоит и прожигает неприязненным взглядом, губы кривит, на лбу кожу в морщины собрала. А я думал, что сумел за два месяца вытравить ее образ из головы, задавил в себе желание найти ее. Раздражение и злость вспыхивают с такой скоростью и силой, что ей лучше бежать без оглядки.

— Выйди за дверь, мы поговорим, — резко, не церемонясь.

Вздернув свой высокомерный подбородок и прямой нос, гордо удаляется. Бесит так, что хочется схватить за волосы, нагнуть над столом...

— Ты что такой грубый? — хмурит брови Ванька, как только дверь закрывается за Ромашовой. — Я могу и в другой фирме ей место найти, — заводится брат. С ним ругаться я не буду, тем более из-за какой-то пи***ы на двух ногах.

— Какие у вас отношения? — вопрос слетает с языка. Какое мне до них дело? Совершеннолетние – пусть трахаются, но я продолжаю злиться.

— Не понял твой вопрос, — Иван удивлен и недоволен.

Обычно в семье младшие бывают расп***ями, а все шишки достаются старшему, поэтому тот более воспитан и ответственен, но у нас по-другому. Я в детстве родителям немало крови попил, а Иван всегда был правильным. Он даже в рожу давал только за дело – после того, как спокойно объяснял суть проблемы.

— Что тут непонятного? Заездила тебя кобылка, ты килограмм пять скинул, — усмехаясь, хотя внутри совсем не весело, меня данный факт раздражает.

— Я не сплю с дочкой Степана, — спокойно поясняет. У меня нет причин ему не верить, но и поверить не получается.

Сжимаю челюсти, чтобы не выругаться.

— Вы два месяца в одной квартире живете, ты что, на нее дронишь? — не понимаю, почему закипаю на этой теме. — Бля, ты же по девочкам? — я не сомневаюсь, просто не понимаю, как этот ходячий соблазн можно было не трахнуть за два месяца, даже если у нее любовь с другом?

Начинаю думать, что он заливает, не хочет компрометировать девчонку. Все в этой девчонке напрашивается на грех, она ведь чистый, неразбавленный секс. Рядом с ней рождаются неприличные мысли, и я уверен, что это не только моя реакция.

— Я тебе сказал, мы не спим вместе, — устало произносит Иван, качая головой, будто с ребенком разговаривает. По-хозяйски обходит кабинет, останавливается возле макета нового

отеля, лежащий на журнальном столе. Он еще не готов, это только небольшая часть. — У меня есть женщина, Милада меня в этом плане не интересует.

Когда это здорового мужика останавливало наличие постоянной любовницы, если такая девочка всегда под боком? Ловлю себя на мысли, что мне заходят их отношения. Пусть в этой плоскости и остаются. Не смотрит в ее сторону – и не надо, в ту сторону уже присматриваюсь я.

Напоминаю себе, что она дочь Ромашова, и трахать – даже мысленно – дочь друга неприемлемо. Но перед глазами картина, как ее пухлые губы ловят мой член, впуская глубоко в рот...

Шевеление в паху стараюсь тормознуть, мне нахрен не уперлось ходить со стояком, тут меня разгрузить некому, в офисе я только босс. Приязнь в штанах сигнализирует о проблеме. Я уже представляю, какой проблемой для меня станет ее постоянное присутствие в компании. Я давно по стойке не вставал на бабу, даже самую качественную.

— Давай ее отправим стажироваться к Кайховскому, я договорюсь, — голос разума подсказывает, что так будет лучше.

— Нет, Милада останется здесь, под моим присмотром, — убирая какие-то детали с макета, твердо произносит брат.

— Тогда зачем звонил мне? — поднимаюсь и подхожу к столу, где мой брат-перфекционист доводит до идеала часть незаконченного макета.

— Ты не любишь, когда прыгают через твою голову.

— Если ты понимаешь, что я здесь главный, позволь мне поговорить с твоей протеже наедине.

— Не забудь извиниться за грубость, Глеб. Тебе не идет обижать маленьких девочек, — усмехается Ванька, разворачивается и направляется к двери. Это кто еще перед кем будет извиняться...

Дорогие мои, спасибо за поддержку, за комментарии, лайки!!! Я вас очень люблю!

Глава 3

Милада

Я точно не надеялась увидеть в кресле гендиректора «козла», переехавшего собаку. Он долго меня игнорил, будто я пустое место, а когда взглянул, по его сжатым челюстям поняла, что меня узнали. В глазах холод и темнота. Опасный мужчина, но невероятно красивый. Бизнесмены обычно пузатые, нескладные, но Глеб Тихомиров – выставочный образец. Я еще в прошлый раз заметила, что он похож на актера Симоне Сусинна. Вся его внешность кричит о том, что он горячий и страстный любовник. Таким хотят подарить свою девственность, но все это плод девичьих фантазий, не факт, что на деле Тихомиров окажется хорошим любовником.

«Ну, здравствуй, козел!» — обрываю мысли, которые совсем не к месту, выпрямляю осанку и чуть задираю подбородок.

— Выйди, подожди за дверью, — даже не поздоровавшись, выставляет из кабинета. Чего еще можно от него ожидать? Но все равно задевает, царапает по сердцу это пренебрежение и высокомерие.

Прячу обиду за гордой осанкой, слезы я себе позволяю только при Ваньке или когда остаюсь одна, свои чувства я давно научилась скрывать. Никому твои боль, обида, страхи не нужны. Ванька не в счет, он с другой планеты, поэтому его люблю всей душой, с другими ношу маску.

Тихомиров-старший отводит от меня взгляд, переключает внимание на брата. Неприятно чувствовать себя настолько пустым местом, будто в дерьмо макнули. Так себе ощущение, мысль уехать в Новосиб уже не кажется такой плохой. Оборачиваюсь, прежде чем выйти. Пристально всматривается в брата, будто видит в том какие-то изменения, меня полностью игнорирует.

Ваня... Почему ты скрываешь от брата свою болезнь? Он хоть и козел, но близкий тебе человек. Неужели остаться один на один со страшным диагнозом лучше? А я даже не знаю, насколько все серьезно. Ваня даже пьяным не признался.

Мне вообще кажется, я единственный человек в его окружении, кто в курсе болезни. Ваня знает, что я не проговорюсь, не предам его доверия. Но мне больно за него – до слез, до кома в горле. Не пойму, что им движет: страх или благородство? Я подозреваю, что оба этих мотива. Страшно умереть, но при этом не хочется делать больно близким.

— Чай, кофе? — предлагает секретарь.

— Спасибо, если можно – кофе.

Осматриваю приемную, потому что заняться больше нечем. Я с удовольствием ушла бы отсюда, не хочется работать на этого убийцу, но на горизонте маячит Новосиб, а туда мне не хочется еще больше. Продержаться бы здесь пару месяцев. Пусть меня определят в какой-нибудь дальний угол своей крутой компании, чтобы мы не пересекались с гендиром. Я готова стоять на ксероксе, перебирать старые папки, лишь бы никогда больше не видеть Тихомирова Глеба Владимировича. У меня стойкая антипатия к этому мужчине, несмотря на его красивую сексуальную внешность. Ванька пусть и не так брутален, но он очень хорош, а еще он крут своей внутренней неподражаемой красотой.

Короткая трель моего мобильного оповещает о входящем сообщении, достаю телефон... их несколько.

«Я все еще жду название компании», — от папы.

«Идешь в выходные в «Метелицу» отмечать закрытие сессии? — от Ксюши, однокурсницы. — Скидываемся по десять штук: вход, бар, закуски».

Папе пишу название компании «Стройтранс». Ничего страшного, что мою кандидатуру еще не одобрили, Ваня обещал уладить. Название фирмы на слуху, даже если мне здесь позволят мыть полы, а не заниматься рекламой, отец должен одобрить.

Ксюше пишу, что ответ дам позже. Хочу с Ванькой посоветоваться, он вряд ли пойдет со мной, но если место сомнительное, не отпустит одну. Я бы хотела с Ванькой зависнуть в клубе, чтобы он оторвался, порадовался жизни. Загораюсь этой идеей. Сделаю все, чтобы его уговорить. Главное, чтобы меня «козел» на работу взял, а отец не встал в позу.

Кофе мне подает «мисс Россия»: идеальная фигура, макияж, прическа. Если она с мозгами, я сама в нее влюблюсь.

— У нас есть свежие пирожные, — демонстрируя идеальные зубы, кто бы сомневался. Мне нравится сидеть в приемной. Когда бы за мной так ухаживали?

— Кофе достаточно, спасибо, — улыбаюсь почти искренне, мы обе сейчас в масках, которые носим для посторонних. Пирожные – звучит соблазнительно, но ближайшую неделю никаких сладостей. Я вчера меренговый домашний рулет одна умяла. Ванька заказал для меня анти-депрессант, голова пухла от зубрежки, а он решил, что мне обязательно нужен сахар. Принес с чашкой чая, поставил передо мной, а потом сидел и лыбу прятал, наблюдая, как я, пыхтя, его доедаю.

Допиваю изысканный кофе, вкус долго играет на языке. Глеб Владимирович привык только к лучшему – делаю вывод. Открывается дверь, из нее выходит Ванька. Лицо серьезное, но мои губы сами по себе растягиваются в улыбке.

— Милада, — подходит ко мне, я поднимаюсь со стула, несмотря на пятисантиметровую танкетку, мне все равно приходится задираť голову. — Глеб – глава огромной компании, он много пашет, привык командовать людьми, иногда бывает груб... — пытается объяснить поведение своего брата.

— Тебе не нужно за него извиняться, — перебиваю, потому что уже поняла, кто такой Глеб Тихомиров.

— Он хочет поговорить с тобой наедине, постарайся... — растирает переносицу, — абстрагироваться от того, что он мой брат, в данный момент он твой начальник. Обещаю, всю стажировку я буду рядом с тобой.

— Меня возьмут в «Стройтранс»? — без особого энтузиазма.

— Я тебя уже взял, но Глеб хочет лично с тобой поговорить, у меня нет оснований ему запретить... Выдержишь разговор с начальством?

— Постараюсь, — наигранно вздыхаю, но тут же улыбаюсь. — Не сомневайся.

В кабинет вхожу твердой походкой, кто бы только знал, как мне не хватает опыта держаться так уверенно и гордо. Козел, он же Глеб Владимирович, смотрит на меня оценивающе, проходится по моему лицу, задерживает взгляд на груди, бедрах, опускает на ноги. Так и хочется сказать, что мой мозг, а следовательно, и уровень интеллекта находится выше.

Волнение растет с каждой секундой, становится жарко, несмотря на дорогуший мощный кондей, хочется помахать ладошкой на лицо, но, естественно, я этого не делаю. Выдерживаю рентгеновское исследование.

— Присаживайся, — кивает на стул-кресло напротив его стола.

Не хочу сидеть перед ним по струнке, словно школьница на экзамене, закидываю ногу на ногу, чуть подаюсь вперед. Не смотрю на бедра, даже если они немного оголены, поправлять платье не стоит, он сразу поймет, что я чувствую себя неуверенно. Взгляд Глеба становится еще тяжелее, темнее, смотрит так, будто хочет дотронуться.

— Я знаком с твоим отцом, — выдает жестко, а я теряю всю свою наигранную уверенность. — Учились в одной школе и жили в одном дворе, — продолжает холодным голосом. — Степан просил помочь тебе с жильем, — медленно проводит по красивым скулам подушечкой

большого пальца, не спешит продолжить, будто взвешивает каждое слово. — Я переложил эту проблему на Ивана, даже не подозревая, что он заберет тебя к себе...

Глава 4

Милада

Неприятное открытие обжигает изнутри кипятком. Прикрываю глаза, чтобы скрыть свои чувства. Ванька такой Ванька... не сказал, но разве я могу его винить? Он ведь в первые часы нашего знакомства и не помышлял меня у себя оставлять, это уже на следующее утро твердо произнес: «Будешь жить у меня и не спорь, Милада, голова болит, всю ночь работал». Я осталась и не пожалела. Кому-то, видно, это не понравилось.

Тихомиров специально все это сказал, вижу, как дергается мышца над губой, как через прищуренные глаза наблюдает за каждым моим рваным вздохом. Хочет поссорить нас с Ваней? Зачем? Может, хочет оградить его от меня? Тогда Глеб плохо знает своего брата, во что я с трудом могу поверить. Это какая-то долбаная козлиная проверка, или этим он хочет поставить меня на место?

Если все-таки он хотел нас с Ваней рассорить, пусть обломится. Ванька мой, а своих я не бросаю. Подумаешь, не сказал, он сможет это обосновать, я не сомневаюсь. Ваня меня не предал, а это главное.

Молчу, мысленно выдыхаю, делаю вид, что жду продолжения. Такой, как Глеб, не будет играть, ходить вокруг да около, он продолжит, нужно только выждать. Его губы сжимаются в узкую полоску, желваки дергаются под большим пальцем, которым он водит по скуле.

«Ну, давай, прямо в лоб, как привык! — мысленно тороплю. — Ты же все равно скажешь, не пожалеешь, даже если человеку больно, и он захлебывается в крови».

— Хочу сразу определить границы. Усвой сразу: в отношении моего брата не строй планов, никаких свадебных колоколов и неожиданных залетов... — кривит губы, а я понимаю, откуда растут ноги этого предупреждения. Отец... Неужели он и Тихомировым предлагал меня купить? Именно купить, по-другому его желание пристроить меня к богатому кошельку я назвать не могу.

Сглатываю ком в горле, только не при нем, только не при Глебе, умоляю свою нервную систему держаться. Никаких слабостей, никаких слез. Даю себе время успокоиться, а потом ровным голосом и с улыбкой на губах:

— Мы с Ваней достаточно взрослые, чтобы разобраться в своих отношениях без посторонней помощи, но думаю, ваш брат рад такой заботе, — тонкий укол и предупреждение, что я молчать о нашем разговоре не буду. Он меня прекрасно понял, глаза сужаются еще сильнее, я вижу только темную радужку, по которой расплылся зрачок. Я тоже могу бить в ответ. Если бы у них были близкие отношения, а Ваня позволял брату вмешиваться, Глеб был бы в курсе его болезни.

— Будешь создавать проблемы, вылетишь в тот же день из компании, соблюдай субординацию, — вскакивает с кресла, обходит стол и нависает надо мной. Вот это да, кому-то я на хвост наступила.

— Напомните мне, пожалуйста, в какой момент вам показалось, что я могу нарушить субординацию? — он слишком близко, его дыхание касается моего лица, и это очень нервирует.

Мне в кайф с ним спорить на псевдокультурном языке — вообще отпад. Глеб уверен, что его опыта и красноречия достаточно, чтобы поставить меня на место, но проблема в том, что я умею быть той еще вредной стервой, когда меня обижают.

— В тот самый, когда ты вошла в этот кабинет и не начала свою речь с извинений, — у меня моментально отвалилась челюсть, и ее не поднять. Кто-то привык, что ему смотрят в рот, лижут кожаные носки туфлей и проглатывают все дерьмо, что он творит?

— С извинений? — надеюсь, мое высокомерное удивление выглядит достойно.

— Ты понимаешь, о чем речь, — вкрадчиво, почти упирается своим носом в мой. Не собиралась разыгрывать дурочку, конечно, я понимаю, что так задевает Глеба Тихомирова — в глаза его мало кто называл козлом.

— Тогда вы не были моим боссом, — максимально вежливо и смиренно. — А я стала свидетельницей жестокости, бесчувственности и хамства. Понимаете, вы тогда тоже не извинились. Мое оскорбление вас и жизнь живого существа несопоставимы, поэтому...

— Поэтому ты прямо сейчас едешь домой, — грубо обрывает. Мое сердце замирает, перестает биться. Вот тебе, Милада, и стажировка, даже часа не продержалась. — Собираешь вещи, и через два часа чтобы твое тело было в аэропорту, — продолжение его речи мой мозг усваивать отказывается.

— Не поняла.

— Едешь со мной в командировку в роли... «подай-принеси». По прибытии моя помощница введет тебя в курс дела. Опоздаешь на чартерный рейс — ноги твоей в моей компании не будет. Если же ты шевелишься и выполняешь поручения так же смело, как мелешь языком, ты нам подходишь...

Глава 5

Лада

Занимаю место у окна в самолете. Ваня опускается в кожаное удобное кресло напротив меня. Он зол, впервые я вижу друга таким напряженным. Глеб отдает распоряжение бортпроводнице, проходит мимо нас, сзади еще одна зона на четыре человека. Я рада, что весь полет мне не придется терпеть его присутствие рядом. Хватит и того, что мы находимся в одном самолете.

Чуть больше двух часов назад я думала, Тихомировы подерутся. Я даже дверь не успела закрыть, сразу с порога выпалила:

— Вань, меня приняли. Лечу в Сочи через два часа с твоим братом.

Три уточняющих вопроса рычащим голосом, и Ванька сорвался в кабинет брата, громко хлопнув дверью. Предприимчивая «мисс России», заметив, что я вслушиваюсь в происходящее за дверью кабинета гендиректора, включила музыку, не забыв при этом мило мне улыбнуться, очень хотелось сказать, куда она может засунуть свою доброжелательную маску.

За Глеба не переживала, даже если бы его пинали, встала бы в очередь, чтобы оставить на его ребрах след от своего каблука. А Ванька дома горсть таблеток принял, из чего я сделала выводы, что нервничать ему не стоит. О нашем разговоре с его братом я умолчала. Неважно, почему Ваня оказался в том сквере, неважно, что он обо мне думал в тот момент, он пришел, за что я ему благодарна, а вот за все остальное, что он сделал за последние два месяца – я просто безумно его люблю. Кто бы еще бросил все свои дела и полетел со мной в Сочи, чтобы не оставлять на растерзание брату? Люблю Ваньку, как старшего брата, которого у меня никогда не было.

— Мы кого-то ждем? — негромко спрашиваю Ваньку, наклоняясь к нему.

— Начальника личной охраны и помощницу Глеба, — спокойно поясняет и вновь замыкается в себе.

Уперев в скулу кулак, сидит с закрытыми глазами. Просто зол, или у него что-то болит? Я даже спросить не решаюсь, чувствую, что жалость ему не нужна, Ванька вспылит, если я полезу сейчас к нему в душу.

Оборачиваюсь назад, Глеб сидит ко мне спиной, в руках какие-то бумаги, на столе раскрытый лэптоп. Шум у двери привлекает внимание, в салон входит высокий молодой мужчина приятной внешности, за ним, скрывив губы, на носочках бежит молодая женщина, виноватый вид ее лица подсказывает, что задерживается рейс из-за нее. Следом входят три охранника-мордоворота, они приехали с Глебом и дежурили у трапа.

— Привет, — протягивает руку начбез Ване, но взгляд бесцеремонно проходится по мне. Задерживается на лице.

— Привет, Кир, — жмет Ваня руку. — Милада, — представляет меня. — А это Кирилл, — обращается ко мне. Вежливое «приятно познакомиться» мы оба опускаем.

— Твоя? — спрашивает Ваню, а тот игнорирует вопрос. Мне нравится, как он это делает — изящно ставит на место.

— Привет, Таня, — вижу, что глаза друга улыбаются, значит, интуиция меня не подвела, эта девушка мне тоже нравится. Возможно, тем, что она корчит лицо за спиной босса.

— Таня! — дальше следует матерная тирада. — Мы из-за тебя на полчаса рейс задержали!

— Глеб Владимирович, вы знаете, что я с восьми часов в мэрии проторчала... — недовольно тараторит она, пробираясь к боссу, Кирилл садится рядом с нами, отсылая охрану в хвост кивком головы.

Сзади происходит обсуждение на повышенных тонах, Таня не уступает Глебу, из чего стоит сделать вывод, что она ценный сотрудник. Не каждому эта козлиная морда позволит с собой спорить.

— Милада, какое красивое имя, — понизив голос до ленивой хрипотцы, начал начбез плести свои амурные сети вокруг моего черствого сердца.

Мне бы ему сразу сказать, что он в пролете, но настроение отстой, впереди двухчасовой перелет, Ванька не желает общаться, а мое недовольство сложившейся ситуацией надо куда-то деть.

— Обычное старославянское имя, — пожимаю плечами. — Ваше поинтереснее будет, если не ошибаюсь, с древнегреческого – владыка, хозяин, господин? — кормлю его мужское самолюбие и тщеславие.

— Вроде, — на губах хитрая улыбка. В каждом жесте превосходство.

Ага, так я и поверила, что ты не знаешь. Опытный, умный и опасный мужик, у него плохо получается строить из себя этакого весельчака-добрячка.

— Я хотела бы задать вам несколько вопросов, чтобы создать психологический портрет, можно? — я их задам в любом случае, хотя уверена в положительном ответе. Ванька глаза не открывает, но губы его чуть дергаются в улыбке.

— Попробуй. Ко мне можно на «ты».

— Хорошо. Постарайся отвечать, не задумываясь, — при этом мило улыбаясь, хлопаю глазками.

Жду, когда он даст согласие.

— Что самое худшее ты сделал, чтобы переспать с кем-нибудь? — с абсолютно серьезным выражением лица, будто провожу анкетирование о приеме на работу. Я уверена в его гетеросексуальности, но слово «женщина» не употребила специально. Машет своей самцовостью, словно флагом победы над Рейхстагом, пусть немного обломится.

Начбез ожидал других вопросов, мой ввел его в легкий ступор. Мне кажется, я слышу, как про себя ржет Ванька. Почти у каждого мужика есть некрасивые бесчестные истории, и когда я задала этот вопрос, была уверена, что он срезонирует.

— Пропустим этот вопрос, - прихожу на помощь и пока он не пропустил все остальные, быстро продолжаю говорить: - Тогда следующий. Ты в детстве спал с мягкой игрушкой, кто это был? — за спиной повисла тишина, кто-то слушает наш разговор. Пусть слушают.

— Я спал с пистолетом, — ерзает на сиденье, словно ему под задницу пытается пролезть еж.

Начинает тихо меня ненавидеть. Это лучше, чем он будет подкатывать при каждом удобном случае. Пусть лучше соберет на меня сразу досье и отстанет.

— Как ты думаешь, какой у тебя IQ, независимо от того, что говорят тесты?

— Ты издеваешься? — вот теперь он настоящий, губы вытянулись в тонкую линию, взгляд жесткий, холодный. Прихлопнет, как букашку, и не поморщится.

— Спасибо, что дал увидеть свое настоящее лицо, так мне легче будет с тобой взаимодействовать в ближайшие два месяца, — серьезным тоном.

— А ты мне нравишься, — хмыкает Кирилл, расслабляясь в своем кресле.

— Лада, подойди к Тане, отрабатывай свою стажировку, — прилетает мне раздраженный голос в спину...

Глава 6

Милада

Гостиничный номер мы делим с Таней, потому что Козел Владимирович, приказывая мне вылетать с ним в Сочи, забыл позвонить администратору в отель и уточнить, есть ли у них свободные номера в разгар сезона. И то, что Глеб один из владельцев этого самого отеля, ничем не помогло. Мы с Ванькой не против были снять поблизости квартиру или комнату, но Тихомиров даже слушать брата не стал.

— Будете жить со мной в одном номере!

Как же бесит его манера решать все за других. В его огромном люксовом номере могла бы заселиться китайская делегация и не пересекаться друг с другом в течение дня, но я каждой частичкой своего вредного организма противилась жить с ним на одной территории.

— Милада может остановиться в моем номере, — вмешалась Татьяна, заметив мученическое выражение моего лица. Мы с ней неплохо поладили в самолете.

— Нет! — рявкает Тихомиров.

— Таня, спасибо, я согласна, — игнорируя его рык. Где мне спать, он точно решать не будет.

— Я сказал, что вы с Иваном живете со мной, что из этого ты не поняла? — угрожающе, желваки на лице ходят ходуном.

— Я останюсь в номере Кира, — встревает Ваня. — Милада с тобой наедине не останется, поэтому предложение Тани своевременное и благородное, — резко отрезает мой друг. Я не пропускаю, что он бледен, что не хочет лишний раз открывать глаза, а яркий свет причиняет головную боль, которую я пропускаю через себя.

— Через час встречаемся в конференц-зале, — холодно бросает босс, резко разворачивается и направляется к лифтам.

Замечаю, каким голодным, раздевающим взглядом его провожают работницы и постояльцы отеля. Не будь у него за душой ни гроша, они бы все равно смотрели, даже я с интересом пялюсь на его красивую спортивную задницу и представляю, каков этот козел без одежды. Страхиваю наваждение и перевожу внимание на Ваню. Я хочу остаться в номере с ним, но девочки отдельно, мальчики отдельно. Если бы я не противилась предложению Глеба Козлиновича, была бы рядом с Ваней. Только ради этого стоило потерпеть. Мне сложно скрывать свое беспокойство, поэтому натянуто улыбаюсь, когда наши взгляды с Кириллом встречаются.

— Милада, я тебя хочу, — смеется Таня, когда я выхожу из уборной, полностью одетая и при макияже.

После трехчасового совещания, на котором присутствовало почти тридцать человек, я думала, никуда не пойду, но Таня уговорила посетить клуб, который находится на территории гостиничного комплекса. Тут отдыхают толстосумы, для постояльцев отеля вход бесплатный, почему бы не воспользоваться возможностью?

Таня натуральная блондинка с натуральными большими красивыми губами. Ей двадцать четыре, она владеет тремя языками и на двух свободно разговаривает, организывает рабочий процесс Глеба, выполняет кучу поручений, решает разные, даже самые немыслимые задачи. Козел Владимирович очень ее ценит, у нее высокий оклад и куча бонусов. Таким гадом он бывает редко, это если верить Тане.

— Покрутись, — просит Таня, не отводя от меня взгляда. Я кручусь. Совру, если скажу, что мне не нравится ее восхищение.

На мне черное короткое платье на узких бретельках с открытой спиной. Лифчик наряд не подразумевает, моя твердая двойка красивой формы, всегда с вздернутыми кверху сосками, поэтому смело могу носить такие платья. На запястьях рук два браслета из белого золота, брендовые черного цвета босоножки на десятисантиметровом каблуке и завязками вокруг щиколотки. Волосы собраны в высокий хвост. Глаза ярко подведены, а на губах лишь помада.

— Все мужики наши, — поднимается на ноги, Таня. Мы выглядим, как два ангела. Если я черный, Таня белый. На ней белое платье на бретельках свободного кроя, полностью открывающее приличную длину ног, оно всего на пару сантиметров длиннее моего. Босоножки на высокой танкетке. Волосы распущены, голубые глаза даже без макияжа привлекают внимание, но Таня их грамотно подвела, а красная помада на губах – как щепотка порока в этот ангельский коктейль.

Пока мы спускаемся на лифте, пишу сообщение Ване:

«Я уже направляюсь в клуб. Если будешь хорошо себя чувствовать, присоединяйся».

Мы с ним разговаривали час назад, он знает, с кем и куда я иду, но я все равно предупреждаю, потому что он заиклен немного на контроле, а я не хочу заставлять его нервничать. Через минуту приходит ответ.

«Ок. Буду чуть позже».

Пафосный клуб – все, что могу сказать. Тут пахнет большими деньгами, дорогими понтами, наркотиками, сексом. Нас с Таней проводят к свободному столику, здесь есть вип-зоны – это балконы на втором этаже. Через тонированное стекло можно рассмотреть, кто там обитает, но большинству посетителей нет дела до челаут-зон.

— Смотри, Глеб с Кириллом с местными красотками оттягиваются, — кивает на балкон, который прямо напротив нас.

Глава 7

Милада

— Кирилл к бару сваливает со своей, а это значит, Тихомиров собрался трахаться, — информирует Таня, усмехаясь и качая головой. Я никак не реагирую.

Она весь вечер кидает взгляды на балкон, где висят большие боссы. Ее интерес кажется немного подозрительным, но к кому именно она испытывает симпатию, я не определила, а спрашивать не хочется. Сама расскажет после нескольких коктейлей.

Мне фиолетово, чем занимаются Глеб и Кирилл, пусть держатся в своей зоне, не мешают нам отдыхать. Пару раз я проследила за взглядом Тани, видела, как Глеб мямлял ягодицы смуглой брюнетки, а та готова была отсосать ему прямо при всех.

Мы успели выпить по одному алкогольному коктейлю, второй еще наполовину в бокале. После третьего Ваньке желательно появиться. Хотя можно уже и сейчас моему другу оказаться в клубе, я весь день почти ничего не ела, поэтому даже после второго неполного бокала у меня вторая степень опьянения – скороговорку про Клару и кораллы уже не выговорю, но готова идти танцевать, настроение самое то.

Я, как единственная наследница Ромашовых, должна была играть, петь, рисовать, танцевать и еще много чего делать. В детстве меня водили на все модные кружки, чтобы потом можно было хвастать достижениями своего чада, но я нигде не добила приличных результатов, разочаровав этим родителей. Особо не старалась, дух противоречия заставлял идти наперекор чужой воле. Танцую я неплохо: четыре года классики, два года балетных танцев, четыре года современной хореографии и два года стрип-пластики, о последнем родители не знают, это была моя инициатива. Мы с одноклассницей ходили заниматься «фитнесом».

— Почему мужикам нравятся легкодоступные бабы? — не отрывая взгляда от бара, выдает Таня. Вопрос риторический для меня. Уверена, она знает на него ответ. А я знаю, за кем весь вечер наблюдала Таня, потому что, как только Кирилл спустился, она ни разу не подняла голову на балкон.

Без особого интереса задираю голову, Глеб имеет языком брюнетку, а она, оседлав его бедра, выписывает восьмерки на его паху. Мои соседки в общаге постоянно трахались при выключенном свете, поэтому вживую я никогда не наблюдала чужой секс, там мне не на что было смотреть, а тут прелюдия из порно. Стринги все еще на брюнетке, я вижу разделительную полосу. При желании их можно отодвинуть, наверное. Мой подвыпивший мозг висит на этой картине. Красивые сильные пальцы Тихомирова мнут загорелые ягодицы. Все в его действиях говорит об опытности и уверенности в себе. Он контролирует ситуацию, я даже отсюда могу сказать, что Глеб холодно имеет ее, не сгорает в страсти, как брюнетка. Мне не хочется отводить взгляд, мне нравится за ними наблюдать, считывать эмоции любовников. Интересно, как он кончает? Будто услышав мои мысли, Тихомиров отрывается от своей партнерши и через секунду находит мой взгляд. Я не собираюсь прятаться. Мне понравилось представление, и, отсалютовав бокалом, я допиваю свой коктейль под его взглядом.

Свет на балконе гаснет. Ясно, дальше они без зрителей. Я не в обиде. Бесплатная эротическая сцена добавлена в копилку моих интересных переживаний. Нужно обзаводиться своим опытом, но я пока не встретила мужика, с которым бы хотела переспать. Вот прям чтобы мозг отключился, и оргазм до звезд в глазах.

Таня у меня совсем приуныла, сейчас расплачется. Перевожу взгляд на бар: Кирилл и его девушка приятно проводят время – целуются. Мой пьяный мозг требует продолжения праздника.

— Ты танцевать умеешь? — перебивая музыку, спрашиваю у Тани. У нас на столике появляется по третьему коктейлю, я пропустила момент, когда Таня их заказала.

— Идем, — кивает она на танцпол, уверенно поднимаясь из-за стола.

Ловлю на себе взгляды мужчин. Ваньке лучше поторопиться. Я знаю, что выгляжу сексуально, что могу завести каждого в этом зале, эта уверенность передается зрителям, а их будет немало.

Танцевать мы начинаем с Таней, провоцируем публику, в нашем исполнении легкое лесби-шоу. Никакого влечения между нами нет, но зрители об этом не знают. Я цепляюсь за пилон, делаю круг на одной руке, подтягиваюсь до середины и «каплей» медленно сползаю вниз. Зал ревет. Выполняю еще несколько движений, где минимально оголяются мои ягодицы, ничего сложного, но смотрится эффектно. Двигаюсь вокруг пилон, выполняя движения из стрип-пластики, еще немного завести толпу, а потом возвращаюсь к Тане.

— Научишь? — спрашивает она.

— Ага.

К нам присоединяются молодые мужчины, самые смелые и дерзкие. Позади меня трется высокий брюнет, возле Тани – коренастый шатен. Руки парня опускаются мне на талию, он резко разворачивает меня к себе.

— Смотреть можно, трогать нельзя, — резко предупреждаю. Лицо интеллигентное, не думаю, что с ним будут проблемы.

— Только потанцуй, ты классно двигаешься, все остальное с твоего согласия, — улыбается плутовато, он уверен в своей неотразимости.

Я нашла неплохого компаньона, чтобы скрасить вечера. Парень профессиональный танцор, я сразу это отмечаю. Он умело ведет, мне даже подстраиваться не надо. Кружит меня, выполняет поддержки, мою полосу стрингов видел каждый зритель, но мой мозг не бьет тревогу. Курортный город, тут все пляжи усыпаны голыми задницами. Последний аккорд музыки, он подбрасывает меня вверх, я упираюсь ему в плечи и медленно скольжу по его телу вниз, его руки страхуют где-то под моими ягодицами. Мы срываем бешеные аплодисменты. Оба вспотевшие, довольно улыбающиеся.

Первое, на чем останавливается мой взгляд – это злой начбез, который держит за локоть Таню. Второе – ловлю не менее злой взгляд Глеба, он стоит внизу. Рукава рубашки закатаны, верхние пуговицы расстегнуты, руки в карманах. Он хочет меня убить, понять бы еще за что. В свободное от стажировки время я могу делать все, что пожелаю. Глеб переводит свой яростный взгляд на руку брюнета, которую тот не спешит убрать с моей талии... хотя нужно признать, что лежит она чуть ниже талии.

— С тебя номер телефона, — меня разворачивает лицом к себе мой «незнакомец». — И поцелуй, — прежде чем успеваю отреагировать, подмигнув, притягивает к себе и целует мои губы под дружный свист...

Глава 8

Глеб

Не стоило мне брать девчонку. Надо было выставлять из кабинета сразу, как только узнал. Ни одна баба в последние лет десять не задержалась в голове, если не брать в расчет момент, когда я ее трахал. Без эмоций и души. Натягивал на себя красивое тело, чтобы получить рядку. При этом я не был любителем случайных одноразовых связей. Мои женщины знали свое место, знали, для чего они нужны, и старались не претендовать на большее. Кто-то пытался поначалу, но тогда разговор был коротким – или вон из моего круга общения, или соблюдаем мои условия и не нарушаем правила. Каждая из них знала, что не единственная, и в любой момент я могу поставить точку в нашем общении, но если это по моей прихоти, то я максимально обеспечиваю ее жизнь на ближайшие годы.

Милада... с ней все не так. Когда я говорю «все», имею в виду постоянные навязчивые мысли и образы, которые раздражают. Не привык думать о женщине, мне это претит. Мой взгляд постоянно ищет ее среди сотрудников, я хочу слышать, о чем она говорит. Меня выводят из себя взгляды других мужиков, которые недвусмысленно задерживаются на ней. А мы ведь даже суток не знакомы! И я не верю, что получится трахнуть и выкинуть ее из головы.

— На когда тебе нужна информация? — интересуется Кир.

— На вчера, — резко отвечаю другу.

— Все так серьезно? — усмехается мой начбез, потирая кончик носа, свободной рукой разливает виски по стаканам. Мы спустились в клуб, Кир позвонил девочкам, которые рады украсить собой наш вечер и помочь снять напряжение.

— Она дочь Ромашова... — будто это что-то объясняет. Скорее я себе напоминаю, что собираюсь поступить как скотина, а вместо мозгов у меня закипает сперма.

— Уже в курсе. Занятная девочка, мне зашла, — ждет мою реакцию.

Я это заметил, и мне пздц как это не понравилось.

— Не будь она дочерью Степана, я бы подкатил к ней свои яйца.

Кир, сука, все замечает. На совесть пытается давить. Я полдня себе это напоминаю, ни хрена не действует.

— Хочу знать, насколько все стремно у него с бизнесом, — я уже знаю, для чего мне эта информация, но даже себе не готов признаться, что готов так далеко зайти. Кирилл тоже понимает, мотнув головой, залпом выпивает полстакана виски. Я повторяю за ним.

Администратор проводит в лаунж-зону наших «фей». Красивые. Виолу я знаю уже пару лет. Хорошая девочка, старательная, готова выполнить любые мои капризы. Да, это то, что нужно мне сегодня. На сексуальное, округлое в положенных местах тело организм привычно реагирует. На какое-то время получается выкинуть из головы зеленоглазую колдунью, но когда Кир со своей сваливают, оставляя нас в полумраке, а Виола, оседлав мои бедра, трется об эрекцию, я злюсь, потому что представляю на ее месте другую. Что-то раздражает меня в ее запахе, взгляде. Я хочу вызова, хочу надавить, принудить, заставить, а Виола слишком доступна.

Мля... что за бред лезет в мою пьяную голову? Когда это мне нужно было ломать бабу, чтобы ее трахнуть? Делаю еще один глоток темной жидкости из бокала, фоном отмечаю, что бухло первоклассное. Руки лезут под юбку, сминают упругие ягодицы. Я готов ее прямо здесь трахнуть, и никаких возражений не последует. Глебу Тихомирову позволено многое. После меня девок в жены берут, все бывшие неплохо устроились в жизни, своеобразная марка качества. Я привык брать самое лучшее, и мое окружение это знает.

Нужно было раньше погасить свет или опустить «занавес», тело напрягается, как перед броском, и я нахожу взглядом ту, о ком слишком много позволяю себе думать. Взрывает мой мозг одним своим жестом – салютует бокалом с какой-то цветной дрянью внутри. В ее взгляде

нет осуждения, ревности, она будто в кино пришла и зависла на эротической сцене. Меня током прошибает, я не знаю, что хочу с ней сделать. Милада бы продолжила смотреть и оценивать, как я трахаю другую? Неужели не завелась? В трусы бы ей руку просунуть и проверить.

— М-м-м... — стонет на мне Виола. Мой каменный стояк не ее заслуга. Сука!

— Свет! — резкая команда, и мы остаемся в темноте, если пересесть на другой диван, нас никому не будет видно, можно сбросить напряжение, но я сбрасываю с колен Виолу и растираю лицо руками.

— Я сделала что-то не так? — я не вижу лица, но чувствую в ее голосе обиду.

Я не мастер утешений, мне это давно не приходилось делать, да и желания нет. Единственное желание — свернуть одну тощую шею, чтобы стереть с лица зарвавшийся взгляд. Почему меня так бесит, что она спокойно наблюдала, как я трахал другую? Еще и удачи пожелала! Сука!

— Все нормально, — этот тот максимум, на который я способен.

Только привычка постоянно держать все под контролем заставляет меня спокойной покинуть вип-зону и спуститься вниз. Столик, за которым сидели Милада с Таней, пуст, если не считать коктейлей и их сумочек, оставленных на диване. От цветного поила в уборную потянуло?

Нахожу взглядом Кира, он застыл, как пес перед броском, не сводит взгляда с танцпола. Оборачиваюсь в ту сторону... весь известный мне мат срывается с языка. Какого хрена они творят? Тут у каждого мужика стоит от их выкрутасов! Даже у тех импотентов, которые последние лет десять использовали свой член только для того, чтобы поссать.

От того, что она творит на пилоне, у меня яйца звенят. Слезь оттуда, я тебя так оттрахаю, что ты ноги соединить не сможешь! Когда она виснет на каком-то дрыщавом пацане и абсолютно всем в этом зале демонстрирует свою красивую задницу, чувствую, как превращаюсь в убийцу. Перед глазами кровавая пелена. Пропускаю момент, когда мой начальник безопасности оказывается на помосте и утягивает в сторону Таню, отталкивая от нее второго соплежуха. Я прямо ощущаю, как под моей рукой сжимается тонкая шея Милады, как из глаз утекает жизнь, когда этот гондон притягивает ее к себе и прикасается к губам...

— Я за ней присмотрю, — на плечо опускается рука брата, останавливает от броска.

— Руку убери, — дергаю плечом. Я в таком состоянии, что могу врезать. Введен до предела. Если бы не люди вокруг, которые знают меня давно, я бы уже здесь все разнес к херам.

— Она со мной, — выделяет каждое слово брат. — Ты зарываешься, Глеб, — вот тот самый случай, когда Ваня перестает быть дипломатом. Он на меня пздц какой злой после того, что я вынудил ее лететь со мной.

— Ты плохо справляешься с ролью няньки, — накидываюсь на него, хватая за грудки.

— Потому что я не нянька, — толкает меня, между нами появляется Кир.

— Эй, ребята, вы чего творите?! — разводит нас в стороны.

Милада и ее соплежух тоже рядом. Не думая, впечатываю свой кулак в его морду. Хочу крови, чем больше, тем лучше!

— Не стоит трогать то, что твоим никогда не будет! — выговариваю сквозь зубы.

— Тихомиров, ты рехнулся? — рычит друг, фиксируя меня в жестком захвате. — Иван, уведи их, — кивает на Миладу и Таню. Парня подхватывает дружка, и они теряются в толпе, я ему вроде нос сломал. Слышу свою фамилию среди публики, узнали.

Когда я из-за бабы в морду кому-то лез?! Я себя спрашиваю, когда такое было?! Меня не оправдывает полбутылки виски, потому что я не пьян. Я потерял контроль из-за мелкой провокации! Еще и смотрит на меня, как на кусок дерьма! Высокомерная избалованная сучка...

Глава 9

Милада

Ушла я из клуба только после того, как допила свой третий коктейль. Я не оценила выходку Глеба. Как он достиг таких высот в бизнесе, если ведет себя, как подвыпивший матрос, получивший увольнение на сушу?

В комнате, которую мы делили с Таней, Ваня присел на диван, прикрывая глаза ладонью, сложенной козырьком, свет мешал или усиливал боль. Я уже догадывалась, где именно у него находится опухоль. Ничего не объясняя, я приглушила свет.

Вопросов в моей голове было много, как и бранных слов в адрес одного зарвавшегося олигарха, но я сдерживалась из-за Вани. Он не виноват, что его брат неадекватен. Таня фурией летала из спальни в гостиную, из гостиной в ванную. Хорошо хоть туфли сняла, не стучит каблуками о паркет. Я так подозреваю, если бы не мой Ванька, я бы услышала много неприличных слов в адрес босса и начбеза. Вечер был безвозвратно испорчен, и даже искрящийся в организме третий коктейль неспособен был это исправить.

— Хочу водку и селедку, — пролетая мимо нас, выдала Таня себе под нос. Ванька приподнял ладошку, которой до сих пор будто укрывался от света, посмотрев на нее, усмехнулся.

— Я могу заказать, только не уверен, что с вашим зелено-голубым пойлом сочетаются водка с селедкой. Утром голову не соберешь, а у вас переговоры и, насколько я в курсе, новый прогон презентации нового отеля.

— Я увольняюсь! — в сердцах бросила Таня, наконец-то найдя своей пятой точке место на диване. — Я устала все это терпеть, никакая зарплата не стоит моей загубленной молодости. Если Глебу нужно, чтобы я была на связи двадцать четыре часа в сутки, я всегда иду навстречу, если он мне дает поручения, с которыми другой помощник разбирался бы неделю, мне хватает суток, я ни разу, ни разу его не подвела! Но если я хочу отдохнуть, то я хочу получить от этого удовольствие! — будем надеяться, в Татьяне говорит алкоголь, и ей просто необходимо выплеснуть обиду. Даже моя пламенная речь, которую я мысленно произносила, меркла перед ее криком души. — Мне не нравится, что меня хватают, как нашкодившего щенка, волокут в сторону и отчитывают! Мне не нравится краснеть, когда взрослые мужики без причины бросаются на людей! — тряхнула она головой, поправляя свалившиеся на лицо локоны. — Ваня, вот ты мне скажи, что это было? — повернулась она к другу. Мне тоже было бы интересно узнать, но мне кажется, Ванька и сам не в курсе. Сидим мы тут втроем и понять пытаемся, за что нам испортили вечер, а брюнету еще и нос сломали. Хотя он заслужил, я ведь предупреждала: смотреть можно, руки тянуть нельзя, а губы и другие важные мужские части тела — тем более.

— Таня, меня с вами не было. Понятия не имею, что Кира и Глеба так взбесило, — мне показалось, что у Вани есть предположения, но он их озвучивать не собирается, а просто хочет успокоить Таню.

— Я жду объяснений и извинений, если их не последует, то пусть катятся...

Куда там Глебу и Киру стоило бы катиться, мы не узнали, потому что дверь в наш номер кто-то своим стуком решил выбить.

— Сидите, я открою, — хмуро произнес Ванька, вставая с дивана.

— Глеб или Кирилл? — спросила я Таню, когда Ваня скрылся в коридоре.

— Кто-то из них, — тяжело вздохнув. — Видеть их не хочу.

— Закажи билет, и чтобы завтра утром она была в Москве, — яростно выговаривал Глеб брату. Я поняла, что речь обо мне, но до сих пор не получалось сообразить, что так взбесило Тихомирова? Мой танец? Если это так, то кому-то нужен психотерапевт и терапия по выправлению мозгов от двойных стандартов.

— Ты ничего не путаешь? Лада мой стажер, а не твоя собственность! — повысил голос Ваня. — Захотел, дернул в Сочи, расхотел, отправил обратно?

— Вот именно, что она стажер моей компании! А каждый сотрудник – ее лицо! Мои клиенты и партнеры не должны видеть, как сотрудники сверкают задницами, как дешевые стриптизерши!

Почему я еще сижу в комнате, а не вышла высказать Глебу все, что думаю о его козлиных замашках, еще и Таню за руку придерживаю, потому что ей тоже есть что сказать? Потому что Ваня мужчина, и мне не стоит своим истеричным бабским поведением подрывать его авторитет. Он всегда и со всем справляется.

— Лицо компании – это ты! — крикнула Таня так громко, что ее нельзя было не услышать. Уверенные шаги по коридору, и вот разозленная фигура босса прожигает нас фирменным тихомировским взглядом. — Когда прилюдно имел телку, тебя ничего не смущало? — продолжала выговаривать Таня, я перестала ее удерживать. — Можешь уволить меня, но молчать я не собираюсь. То, что происходит вне рабочего времени, ни тебя, ни Кирилла никак не касается. В офисе я профессионал, в клубе я просто женщина, которая пришла отдохнуть. Меня еще никто и никогда так не оскорблял! — по щекам Тани катились слезы, она восприняла ситуацию трагичнее, чем я. У меня было ощущение, что все это случилось по моей вине, только пока не получалось сообразить, что я сделал не так. Глеб злился, его скулы играли, ноздри раздувались, но он молчал.

— Все сказала? — резко и отрывисто.

— Да.

— В восемь чтобы была готова, — на меня даже не взглянув. Таня упала на диван, спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала, а Ванька подошел сзади и обнял меня, будто чувствовал, что я в раздразе от этого дурдома, и мне хочется сбежать...

Глава 10

Милада

Три дня в Сочи пролетели, как один миг. Вчера ночью мы вернулись в Москву, а утром меня ждал мой первый рабочий день в компании.

Собираясь с утра в офис, я вновь долго перебирала гардероб в поисках подходящего наряда. Неудивительно, что у студентки не было одежды для офиса. В шкафу имелось несколько нестрогих блузок, юбок и платьев, которые были значительно выше колен. Демонстрировать свои длинные стройные ноги я не стеснялась. Тратить неопределенную сумму денег на вещи, которые мне через два месяца не понадобятся, я не собиралась, а значит, нужно как-то выкручиваться. Джинсы, футболки, спортивный стиль – в одну кучу, а все, что можно носить в офис, в другую.

— Лада, через сорок минут выезжаем, — стукнул в мою дверь Ваня. Вчера мы вернулись поздно, разошлись по комнатам, сегодня еще не виделись.

— Вань, зайди, — умоляюще и громко, пока он далеко не ушел.

— Ты уже проснулась? — останавливая взгляд на устроенном мною бардаке. То, что на мне пижамные шорты и майка, меня никак не смущало, Ваня никак не реагировал на мою «красоту».

— Угу, и душ приняла, — показывая на голову, обмотанную полотенцем на манер тюрбана.

— Вещи зачем раскидала? — проходя в комнату и присаживаясь на постель.

— Мне надеть нечего, — вытянула трубочкой губы, покривила их, будто это помогало думать. Эту обязанность я хотела переложить на Ваньку. Он мой шеф, пусть решает, что мне носить.

— Лада, от тебя я этого не ожидал услышать, — и Ванька совсем не шутил, вещей у меня было много, и мне не было присуще стереотипное женское поведение.

— В смысле мне нечего надеть в офис: ни костюмов, ни блузок, ни юбок ниже колен, — перекидывая цветные вещи из той кучи, которые я хотела бы надевать в офис. — Надо, наверное, в торговый центр после работы заехать.

— Не надо ничего покупать, — Ванька вытащил из кучи тряпья белую приталенную юбку и темно-синюю полупрозрачную блузку с короткими рукавами-фонариками, я даже не помню, надевала ли ее когда-нибудь. — У тебя же были где-то черные лодочки?

— Черные лодочки? — силясь вспомнить, о чем говорит Ванька. — Точно у меня?

— Милада, — протянул он. — С красной подошвой, ты ими хотела с балкона пулять, когда ночью подвыпивший сосед громко слушал в машине музыку, — тот случай я вспомнила. Он мешал мне готовиться к экзамену, а так как туфли я не носила практически, то и расставаться с ними было не жалко, Ванька отобрал у меня «оружие точечного поражения», спустился вниз и решил проблему по-мужски.

— Точно. Сейчас найду, — кинулась к шкафу.

— У нас продуктов нет, доставку ждать времени нет. Позавтракаем в офисе, — прежде чем выйти и прикрыть дверь.

Я могу работать и голодной, но Ваню обязательно нужно покормить. Про себя отметила, что после работы мы обязательно заедем в супермаркет за продуктами.

Через сорок минут я была готова. Надев выбранный Ванькой комплект одежды, я отметила, что выгляжу шикарно. Ноги за три дня, проведенных в Сочи, покрылись золотистым загаром и теперь выглядели еще привлекательнее. Три дня полного бездействия и отдыха, а результат – красивый загар. Меня не отправили обратно в Москву, но отлучили от работы и козлиной персоны, чтобы я эту самую персону не бесила своим присутствием. Поэтому все

свободное время, которого у меня было предостаточно, я проводила у бассейна или на пляже, старательно не попадаясь Глебу на глаза. Ване нельзя находиться на солнце, он все время проводил за работой в номере. Кирилл постоянно маячил где-то поблизости, будто приглядывая за мной. Наверное, опасался, что я вновь скомпрометирую «Стройтранс». Была мысль позагорать топлес, но, конечно, это только злые мысли. Я не стала бы подставлять Ваню, да и Таня была все еще обижена, любой выпад в мою сторону мог вновь спровоцировать конфликт с руководством. Я не собиралась сеять смуту. Через два месяца я со всеми попрощаюсь, а им еще работать вместе. Мне подарили три дня отдыха, за что я была благодарна.

Когда я вышла из комнаты при полном параде - успела одеться, нанести макияж и даже подкрутить кончики волос, Ванька кинул на меня одобрителный взгляд. Сам он тоже оделся в свободном стиле: белая льняная рубашка навывпуск, закатанные по локоть рукава, зеленые брюки-дудочки и замшевые лоферы.

Надеюсь, поддержки моего прямого начальника будет достаточно, чтобы я прошла дресскод. В гостинице мы с биг-боссом практически не пересекались, а вот в самолете он удостоил меня реплики:

— В Москве идет дождь, — бросив недовольный взгляд на белую приталенную майку и такого же цвета шорты. Понятно, что переодеваться я не побежала, хотя именно этого, наверное, требовал Глеб. Неудивительно, что весь перелет я чувствовала, как в моей голове его тяжелый взгляд сверлит дыру. Захотелось даже пересесть – не потому, что мои ноги мешали в проходе, а потому, что они вроде как и раздражали Тихомирова. Спасибо Тане за то, что предложила выпить. Спасибо Ване, что поддержал, хотя сам не пил, и спасибо стюардессе, которая принесла нам бутылку коньяка.

— Не рано твоей стажерке употреблять спиртное? — прилетело в мою сторону. Если верить Тане, то все встречи, прогон презентации прошли отлично, спрашивается: почему он не может быть довольным и расслабленным?

Я демонстративно обернулась и посмотрела на стол между Кириллом и Глебом, где стояли стаканы и початая бутылка виски. Меня пытались придушить взглядом, но я мило улыбнулась и пару раз похлопала ресничками, благо они у меня от природы заметные – длинные и пушистые.

— Самое время начинать, — тоном Ваньки можно было пилить металлические конструкции: твердый, жесткий, резкий. После трех рюмок коньяка мне стало все равно, что Глеб Козлинович, сидя позади, придумывает для меня новые изощренные пытки и казнь. Сомнений не было, что дела обстоят именно так.

Выплывая из омута своих воспоминаний, я настояла, чтобы по дороге в офис мы взяли по большому стакану горячих напитков: мне латте, Ваньке чай. В кафе купили несколько упаковок свежей выпечки, вряд ли все сами съедим, но мы знаем, с кем можно поделиться. Тане вообще сладкое положено, как молоко работникам вредного производства. Рядом с Глебом постоянный стресс, а его хоть изредка стоит заедать сладеньким.

К зданию бизнес-центра мы подъехали за пять минут до начала рабочего дня. Ваня не спешил, а мне опаздывать не хотелось даже на минуту. Как назло, у лифта мы встретили Глеба. В отличие от нас, он был одет в строгий костюм, серого цвета рубашку и галстук. Внешний вид подчеркивал мужскую харизму, сексуальность, власть, силу, достаток. Он обернулся на стук моих каблучков, а я впервые поняла, что значит плавиться под взглядом мужчины. Неприкрытое дикое желание. Меня словно в солнечное сплетение молния ударила. Глеб меня прямо здесь раздел и оттрахал своим взглядом, не постеснявшись Ваньки...

Глава 11

Милада

Будем надеяться, что опаленные жаром щеки не видно под загаром. На меня и раньше смотрели с вожделением, но вот так откровенно и порочно – никогда прежде. Весь порнхаб в одном взгляде. Самое удивительное, что меня это не возмутило, не оскорбило, не смутило.

Меня проняло.

До дрожи.

До ватных коленок.

До тугого узла внизу живота.

— Проходи, — Ваня подталкивает меня к открытым дверям лифта. Хорошо, что я не одна, а то бы стояла столбом и дальше, позволяя Глебу заниматься со мной ментальным сексом. От ненависти до любви – слышала, а вот от неприязни до мокрых трусов – нет. В моей жизни все наперекосяк.

Я уже отмечала, что он крутой красивый мужик, желать его – нормальная реакция, но не для меня. Три дня я его ни разу не вспомнила без оскорблений, а тут поплыла.

— У нас новый корпоративный стиль в одежде? — как только створки закрылись.

— Говори прямо, — руки Ваньки лежат в карманах, он стоит, прислонившись к стенке кабинки, и даже не смотрит на брата.

— Нахрена эта провокация? — кивает на меня. — Мне мужиков к рабочим местам наручниками приковывать, чтобы они за ней, как за течной сукой, не бегали?

Вот что за мужик? У меня было такое яркое сексуальное переживание, а он все испога-нил. У меня даже трусы высохли, словно по ним производственным феном прошлись.

— Сук вы обычно машиной переезжаете, Глеб Владимирович. Наверное, чтобы не текли и не размножались, — мысленно я лупила себя по языку, но вылетевшие слова обратно не затолкнуть. Я же обещала себе не реагировать на босса, для этого есть Ваня.

— Я тебе уже говорил и повторюсь: Милада – моя забота. Занимайся своими делами, ничего твоей фирме не грозит.

— Ты... — что он хотел сказать Ване, мы так и не узнали. — Ко мне в кабинет, — рявкнул, глядя на меня, когда лифт остановился. — Живо! И без адвоката, — даже не посмотрев на Ваню.

— Пойдем, познакомлю тебя со своими ребятами, — как ни в чем не бывало Ванька приобнял меня за талию и повел мимо кабинета Глеба.

— Вань, мы его специально провоцируем?

— Даем время остыть. Второй раз он вряд ли тебя позовет.

Ванька не вдавался в детали – не оправдывал и не порицал характер старшего брата, он просто защищал. По-мужски, без лишних слов и красивых речей. Я была ему очень благодарна, но обострять и так натянутые отношения между братьями не собиралась. Я все еще надеялась и молилась, что Ваня расскажет брату о своей болезни, а тот настоит на лечении и сделает все, чтобы его спасти.

— Ребята, всем привет, — Ваня входит в светлый кабинет. Неудивительно, что здесь так светло: огромное панорамное окно во всю стену открывает прекрасный вид на город. Большие столы завалены чертежами, макетами, какими-то каталогами. Три молодых мужчины сидят каждый в своем кресле и пьют кофе. Мой латте и Ванькин чай практически не пахнут.

— Знакомимся. Милада, — обнимает меня за плечи. — Любим, ценим, уважаем, — я отметила, что Ваня не сказал, в роли кого я тут нахожусь, но предупредил, как ко мне стоит относиться. — Артем, Рома и Паша, — представил свою команду. Рыжий Паша, Рома боро-

даты, а Артем пухлый – выстроила быстро ассоциативный ряд, чтобы легче было запомнить имена и не спутать.

— Угощайтесь, — поставила на стол одну коробку со свежей выпечкой.

— Спасибо, красавица! Ты наша богиня, — стали шутить ребята.

— Если что, я на диете, — подмигнув мне, первым подошел к коробке Артем.

— Идем, — Ванька потащил меня к двери, которую я не заметила. Конечно, как мне ее заметить, если три пары мужских глаз так внимательно рассматривали мои ноги.

Пока мы «завтракали», я чуть подробнее узнала, чем занимается Ванькин отдел. Я гордилась им. Ведь проекты отелей, клубов, ресторанов... и даже частных домов от начала и до конца создавали эти ребята. Он показал мне на ноутбуке законченные проекты.

— Хочу вот этот дом, — ткнула пальцем на экран.

Дом находился на горе, не на самой верхушке, но и не у подножья. Строение выполнено из темного камня, очень похожего на природный. Крыша по цвету отлично сливается со стволами высоких елей, кажется, что этот дом создан самой природой, настолько гармонично он вписан в ландшафт. Большие окна, открытая и закрытая террасы. Рядом струится водопад, который впадает в голубое прозрачное озеро. Уверена, там тихо и спокойно.

— А зимних снимков нет? — представляла, какая это красота, но хотелось бы увидеть.

— У меня нет, — немного загадочно. — Дом находится в Сочи... и принадлежит Глебу.

— Все равно он сказочный, — представляю, какое восторженно-глупое у меня выражение лица. Но Ванька принимает меня любой.

— Это полностью мой проект, — с гордостью. — Я бы хотел и для тебя что-нибудь сделать, — а вот сейчас мне не понравилось. Ваня словно хотел попрощаться и оставить что-то о себе на память. Думает, я смогу его когда-нибудь забыть? К горлу подкатил ком, но я смогла взять себя в руки, закусывая наворачнувшиеся слезы эклером.

— Как только я разбогатею и куплю себе такой участок, тебе не отвертеться. Смотри, ты пообещал, — сказала как можно беззаботнее, еще и пальцем погрозила. Ванька улыбнулся, а я глубоко вдохнула. Мой телефон запиликал. Я почему-то не сомневалась, что это родители проверят, как я тут тружусь – и тружусь ли вообще, а не сплю.

«Жду в кабинете. У тебя минута».

Номер был неизвестен, но я не сомневалась, что это Глеб. И он, судя по всему, в ярости. Не нужно, чтобы Тихомиров сам сюда пришел.

— Вань, где тут можно носик попудрить?

— Попудрить носик можно здесь, а туалет находится... — я не особо старалась запомнить расположение уборной, хотя на будущее пригодится. Время шло, у меня осталось примерно тридцать секунд, чтобы явиться к Глебу...

Глава 12

Глеб

Головой ведь понимаю, что нахрен ее нужно выкинуть из компании и из головы. Какого хрена меня так накрывает? Я до сих пор успокоиться не могу из-за выходки в клубе. Подорвало меня в тот день так, что я забыл, где нахожусь.

Виола подо мной скулила две ночи, на третью не выдержала – сбежала, пока я был в душе после очередного захода. А у меня ощущение, будто я год не трахался. Стоит только кинуть взгляд на соплячку, меня ведет. Как я Виолу ее именем не назвал, сам удивляюсь. Лада как приклеенная перед глазами стоит. Ванька или врет мне, или импотент! Я ее мысленно во всех позах отымел, пока мы в лифте поднимались. Ходячая провокация! Я эти ноги в Сочи на своих плечах постоянно представлял, потому что она разгуливала... как все отдыхающие – почти без одежды! Купальник в несколько полос, в лучшем случае микроскопические шорты и топ. Теперь она в офис заявила в таком виде, что у всех мужиков будет стоять! А у меня желание им глаза повыбивать.

Качели внутри меня конкретно мешают работать и жить. Я нестабилен, мозг кипит. Куда делся холодный расчет и полный контроль эмоций? Нужно принимать решение в отношении Милады. Она дочь Ромашова, но я хочу ее до темных пятен перед глазами. И как выяснилось, этот голод другие утолить не могут. Выход из ситуации простой – сделать ее своей любовницей, пока не надоест, или прямо сейчас от нее избавиться.

Я прождал ее почти час, Лада в очередной раз проигнорировала мое требование. Стоит ли говорить, что позволить и простить подобное я могу только брату? Соплюха прикрывается Иваном, и это меня вымораживает. Если между ними ничего нет, почему она себя так ведет? Нутро топит ядом, стоит представить их вместе. Пишу сообщение и засекаю время.

У меня есть не только номер ее телефона, но и досье на тех, с кем Лада общается. Кирилл меня не понимает, смотрит так, будто я тяжелобольной. Я и сам себя не понимаю, но откуда-то взялось это гребаное желание – контролировать ее жизнь и ее окружение. Я чуть не попросил друга установить в квартире брата камеры, но есть большая вероятность, что Ванька заметит, тогда будет полный... разрыв с братом. Пришлось свои загоны приковать цепью.

— Глеб Владимирович, к вам... — раздастся из селектора.

— Милада Степановна, — подсказывает соплиха. Степановна... мля! Мне к ней так и обращаться?

— Пусть зайдет, — сказал раньше, чем за Ладой ее отчество повторила мой секретарь.

— Вызывали? — с порога. Походкой от бедра приближается к столу, застывает возле стула. Смело смотрит в глаза, даже с вызовом, подбородок вздернут. Вот как ее не наказать?

— Час назад, — возвращаю голосу холодность.

— Мой непосредственный начальник...

— Я здесь начальник. Над всеми. В том числе и над Иваном. Не устраивает? — поднимаюсь и иду к двери, пока она думает. Закрываю на ключ, брови Милады взлетают вверх.

— Зачем вы закрыли дверь? — отметил, что голос дрогнул, хотя продолжает смотреть на меня с вызовом.

— Чтобы твой рыцарь не ворвался тебя спасать, — в два шага оказываюсь возле нее. Выдергиваю из кресла, прижимаю к себе. — Ты ведь понимаешь, что твоя одежда – вызов?

— Вы взрослый мужчина, и вид голых ног не должен превращать вас в насильника.

— Превращает, Милада. Ты же чувствуешь? — упираюсь своим стояком в ее живот. По ее телу проходит легкая дрожь, что не остается незамеченным. Одна рука фиксирует затылок, вторая ползет под короткую юбку, сжимая упругую половинку. — Ты заслуживаешь наказания за свое поведение.

— Нет, — пытается упереться мне ладошками в грудь, но между нами не то расстояние, чтобы маневр удался. Я пьянею от ее запаха, от того, что она в моих руках, сопротивляется, чем неимоверно заводит.

— Продолжай нарушать мои правила, я получу наслаждение, а ты – наказание, — впи-
ваюсь в ее губы, тяну за волосы до боли, ее вскрик тонет у меня во рту. Языком врываюсь в
сладкий плен.

Напоминаю себе, что просто хотел ее наказать, но доводы разума стекли в штаны. Не
получается от нее оторваться, дорвался, как пацан до первой бабы. Она отвечает, но пытается
погасить мой напор. Мы просто воюем у нее во рту. Лада заводится и кусает меня за губу,
прокусывает до крови. Срывает тормоза. Подхватываю под ягодицы и усаживаю ее на край
стола.

— Обхвати меня ногами, — мне хочется оказаться между ее бедер, почувствовать жар
ее лона.

— Я думаю, вы меня достаточно наказали, — отвечает совершенно спокойно, в то время
как я схожу по ней с ума. Это отрезвляет и бесит до невозможности. — Мой гардероб сплошь
короткие платья и юбки, если вы на каждый мой наряд будете так реагировать, это закончится
заявлением в полицию о харрасменте, — я вижу, как учащенно бьется жилка на ее шее, как
поднимается и опускается ее грудь.

— Когда будешь писать заявление, не забудь упомянуть, что текла подо мной, потому
что ты сейчас возбуждена. Твои соски торчат, а здесь... — я просовываю руку между ее ног
и тру тонкую полоску трусов, — ты мокрая.

Мне стоит больших трудов убрать руку и отступить, когда хочется опрокинуть ее на стол,
отодвинуть эту полоску и трахать, пока она не потеряет голос.

— Можешь идти, — киваю на дверь и возвращаюсь в свое кресло. — Но не забывай: на
каждую провокацию последует реакция...

Глава 13

Милада

Тряхануло меня в кабинете Глеба не по-детски. С парнями я целовалась и не раз, хотела найти того, с кем случится мое грехопадение. Ну, чтобы ноги слабели, в животе бабочки и вся прочая лабудень, после которой ты не помнишь, как ты потеряла не только трусики, но и девственность. Не случилось со мной такого, поэтому поползновения к своим стратегическим местечкам я жестко обрывала. Не смог заставить поцелуем потерять голову, справляйся сам со своим дискомфортом в штанах.

Глеб – козел и гад – сумел одним своим похабнейшим поцелуем сделать так, что я на нетвердых ногах ковыляла в уборную, чтобы привести себя в порядок. Остудить пылающие припухшие губы, которые весь день будут напоминать, как он целовал меня в кабинете.

Не будь он Глебом Тихомировым, я бы даже загорелась идеей потерять с ним девственность. Если даже и не поднимет до каких-то немислимых высот в первый раз, то точно не разочарует. Он точно знает, что нужно делать с женским телом, чтобы оно пылало, желало и просило продолжения.

Закрыв дверь в уборную, взглянула на себя в зеркало – картина маслом: глаза блестят, волосы растрепаны, вся раскрасневшаяся, губы припухли и покраснели, словно их в трубу пылесоса засасывало. Холодная вода не сняла полностью отек и не убрала покраснение, но задерживаться дольше в уборной не было смысла. Тем более кто-то уже дергал за ручку.

Закусив губы, я дошла до кабинета Вани, парни работали, лишь Артем поднял взгляд и улыбнулся. Нажав на ручку двери, тихонько толкнула створку и застыла.

— Почему не предупредил, что возвращаешься? — тихий женский голос.

— Ты не рада, Соня?

Ох ты ж... Та самая Соня, которую любит Ваня.

— Рада, очень рада, ты же знаешь, но нам будет сложно.

Я поступала очень некрасиво, но заставить себя отойти от двери не могла. Мне эта девушка не нравилась. Хотя я ее ни разу не видела. Можно не опасаться, что Ванька заметит мои припухшие губы, сейчас ему не до них. Не дожидаясь, когда ребят заинтересует мое поведение, я открыла дверь и вошла в кабинет.

— Ой, — изобразила удивление.

Они стояли рядом, руки с груди друга та не успела вовремя убрать, поэтому и нервничала. Вот так бывает, когда на двух стульях пытаешься усидеть.

— Вань, я мешаю? — при этом рассматривала «Великую Ванькину Любовь». Что в ней нашел друг? Смазливая кукольная мордашка, бровки домиком, губки бантиком, глазюки большие голубые, нос чуть вздернут, голос приторно-сладкий. Была бы мужиком, у меня бы на нее не встал.

— Нет, Лада. Заходи. Познакомься, это Соня. Соня, эта Милада, — я отметила, что статусом подруги меня не наградили. Подозреваю, что сделал Ваня это умышленно, чтобы заставить ее поревновать.

— Приятно познакомиться, — не окрашивая голос никакими приятностями или теплыми нотами.

— Мне тоже, — милую мордашку чуть перекосило.

Все ясно, моя интуиция не подвела и на этот раз: за кукольно-невинной внешностью скрывалась та еще гадюка. Вот мужики! И почему самым лучшим из них при рождении дополнительные опции не дарят – способности не влюбляться вот в таких вот стерв и уметь их распознавать в толпе.

— Вань, ты хоть бы предложил сладости, — кивая на раскрытые коробки на столе.

— Я такое не ем, — пытаюсь что-то там мне продемонстрировать.

Так я тебе не от чистого сердца предложила, а показать хотела, что чувствую себя в кабинете Ваньки хозяйкой, чтобы тебя долго еще плющило. Я девушка свободная, рога мужу не наставляю. Ревнуй!

— А я ем. Во мне ведьмовская кровь течет, ем что хочу и не толстею. В любое время дня и ночи могу умять килограмм эклеров – и ни грамма лишнего на весах, — стараюсь мило улыбаться. Вру, конечно, я не объедаюсь сладостями, по крайней мере часто, но она-то об этом не знает. — Мне кажется, что моя фигура от всего этого вкусного безобразия только лучше становится, — добавляю еще немного яда, ну и вишенкой на торте считаю необходимым упомянуть возраст. — Хотя, может, это все возраст, а после тридцати и я перестану пихать в себя вкусности и перейду на капусту.

Да, вот такая я дрянь, но если трогают и обижают мое, я становлюсь очень-очень беспощадной. И мне все равно, что у кого-то руки от злости трясутся, она все равно мне ничего не скажет, потому что образ «воздушной ромашки» дороже истинных чувств. Эта змея будет гадить подло и тихо.

— Хорошо, что мне до тридцати еще очень далеко.

«Насчет далеко ты явно врешь».

— Я с детства не люблю сладости, всегда предпочитала здоровую кухню.

«Не верю. Ешь ты втихую сладости. Отсюда и щечки с ямочками на лице, и намек на второй подбородок».

Дверь без стука открывается, в проеме появляется неизвестный мне молодой человек.

— О, это я удачно заглянул поздороваться, — останавливает на моем лице взгляд, потом плавно проходится по ногам и присвистывает...

Глава 14

Милада

Заглянул Антон познакомиться, мы и познакомились. Антон видный мужик, но невооруженным глазом можно определить, что бабник. То, что он близкий друг Глеба и его зам, мне Ванька позже сказал. Неудивительно, что эти кобели друзья. Глеб меня затискал и чуть не сделал женщиной в кабинете, этот глазами облизал. Хотя облизывал он не только меня, я заметила, что он почти так же смотрит на Соню, а та подозрительно делает вид, что не замечает.

Попрощавшись, она первой покинула кабинет Вани, но я не сомневалась, что теперь мы будем часто пересекаться. Соня сделала неправильные выводы обо мне, теперь станет яростно метить территорию. Такие девушки обычно держат вокруг себя свиту из мужиков и встают в позу, стоит кому-то потерять интерес. Я мысленно проигрывала различные ситуации и придумывала, как бы от нее избавиться. Не для Ваньки она.

— Не согласишься вечером сходить вместе поужинать? — спросил Антон, когда выяснил все вопросы, по поводу которых заходил, а задерживаться дальше не имело смысла.

— На ближайшее время все вечера у меня заняты, — он понял, что я вру и тупо посылаю его к какой-то там бабушке, но не разозлился.

— Рад был познакомиться, Милада, — улыбнулся. — Все-таки буду надеяться хоть на один свободный вечер.

«Ага, надейся!»

Ване нужно было работать, а я планировала тихо посидеть на диване, потому что лучшая помощь для моего непосредственного босса – не мешать ему. Вспомнила, что обещала ответить Ксюше, иду я с ними в клуб или нет, а для этого нужно спросить разрешения у старшего брата, который сейчас занят. Чтобы не забыть, поставила «напоминалку» в телефоне. До обеда Соня дважды заглядывала по мелочным предложениям: то у нее степлер сломался, то бумага закончилась, а стучаться она забывала. Резко открывала дверь, будто пыталась застукать любовников. Правильно говорят: свекруха б*** снохе не верит. Так и Соня. Застукать она нас не застукала, зато видела, как выигрышно смотрятся мои вытянутые ноги на диване. Ванька на них ни разу не взглянул, но она-то об этом не знает. Мне доставляло невероятное удовольствие ее нервное поведение. Мило улыбаясь и демонстрируя ямочки, она взглядом меня расчленяла. Интересно, сколько времени нужно тренироваться, чтобы так уметь?

— Тоже нужно поставить в нашем кабинете диван, — заливает все приторно-сладким, как сироп, голосом Соня. — Удобно, наверное, так полежать, дать стопам отдохнуть от каблучков.

— Очень удобно, — очень надеюсь, что у меня получается улыбка, а не оскал бешеного хорька. — Мне повезло с начальником и с диваном в его кабинете, — фраза звучит неоднозначно, Соня перестает улыбаться, а я чуть-чуть добавляю яда к ее выводам. Убить желания нет, только немного отравить ей жизнь. — Вань, он раскладывается? Ну, как тот, на котором я сплю? — Соня не разочаровывает. Даже если она закатит скандал Ване, а он будет все отрицать, сомнения останутся. — Мы бы с Соней вместе полежали.

— Мне работать надо, — начинает осыпаться маска с ее лица.

Только за Соней закрылась дверь, в кабинет без стука ворвался Глеб. Первым порывом было вскочить и сесть ровно, но я успешно его подавила. Все равно меня уже поймали за бездельем и расстреляли темными глазами за мой непристойный вид.

— Я заберу твою помощницу, — не спрашивая, а утверждая. Ванька оторвался от чертежей и поднял вопросительно бровь. Моя тоже поползла вверх. — У меня через час встреча в ресторане с Путасом и его женой. Я планировал ехать с Таней, но она сейчас в другом конце Москвы, не успевает.

Кто-то явно не умеет и не любит просить, кадык дергается, крылья носа шевелятся.

— Милада мне здесь нужна, — отказывает Ваня равнодушным тоном.

— Лежать на диване с задранной юбкой? — зло усмехается. — Ты ее портрет рисуешь или чертеж делаешь? — Ванька готов встать в позу, ему не нравится тон Глеба. Мне тоже не нравится, но другого я у него не слышала, поэтому все вроде как привычно. — Ничего с ней не случится, посидит тихо рядом, потом привезу. В целости и сохранности.

— Милада, есть желание поехать на встречу? — Ваня умеет задавать вопросы, а я умею на них отвечать:

— Нет, — мотаю головой, желваки дергаются на лице Глеба. — Я хотела с тобой пообедать... но придется составить компанию Глебу Козли... Владимировичу.

Блин! Блин! Блин! Он все понял и Ваня тоже. Но если один старается не улыбаться и делать вид, что ничего не слышал, то другой готов линчевать прямо здесь. И как теперь забрать свои слова обратно? Не хочу я с ним ехать в ресторан, я ведь не дура оставаться наедине со злым боссом. Или дура? Потому что, когда он открывает дверь и приглашает последовать за ним, я надеваю туфли...

Глава 15

Милада

В лифте кроме нас еще два человека, Глеб Владимирович молчит, вообще ведет себя подозрительно спокойно. Запретила себе даже мысленно называть его Козлиновичем, так по привычке еще не раз вылетит.

До машины мы идем молча, у меня ноги чуть-чуть подкашиваются, каждой клеткой своего тела чувствую присутствие Тихомирова. Будто понимая, как на меня действует, он идет сзади, отстаёт не больше чем на шаг, но его взгляд обжигает.

Не повернусь, ничего ему не скажу! Начинаю чуть сильнее вилять бедрами, каблуки и так меняют походку, а если постараться, то она может быть вызывающей, соблазняющей, дерзкой. Ни с кем раньше я себя так не вела. Провоцировала, конечно, потому что нам, девочкам, нравится, когда мужики плывут, меняется взгляд, направленный на тебя, но я всегда вовремя останавливалась, не доводила игру до опасной точки.

Тем удивительнее, что с Глебом мне хочется отключить тормоза, посмотреть, как далеко смогу зайти, увидеть черту, переступив которую, он не сможет остановиться, даже если я попрошу. Опасные желания и мысли, но меня они заводят. Что-то между нами изменилось в том клубе в Сочи, мне кажется, Тихомирова до этого таким никто не видел: диким, жестоким, неуправляемым, я будто сорвала с него маску, в которой он комфортно себя чувствовал и этого мне сейчас не может простить. Поцелуй в кабинете – следствие того срыва. А мне хочется зайти еще дальше...

Узнай Ванька о моих демонах в голове, промыл бы мой мозг перекисью водорода. Хотя не уверена, что поможет.

Возле машины Глеба стоял еще один внедорожник, двери которого подпирали два двухметровых лба в костюмах. Глеб открыл мне дверь, я чуть не споткнулась от несоответствия этого жеста и образа Тихомирова, который сложился в моей голове. Да ладно? Усыпляет бдительность, что ли?

Минут пять мы едем в тишине. Если честно, меня это пипец как напрягает. Стараюсь не ерзать, но будто на углях сижу. Он слишком близко, пространства и так недостаточно, а тут оно сужается до нас двоих. У меня еще губы горят после поцелуя, а он давит своей энергетикой. Холодный и уравновешенный Тихомиров пугает в разы сильнее, чем неадекватный. У меня стойкое ощущение, что он что-то задумал или принял решение и успокоился.

— Значит, Козлинович, Милада? — не смотрит на меня, от этого не легче. Вот совсем не легче.

— Извините, — мне реально неудобно.

— Так допек? — он просто интересуется, никаких эмоций, голос звучит ровно, на лице маска.

— Это из-за собаки, не люблю жестокость, — если пошел такой разговор, то можно быть честной. — Тогда я не думала, что мы еще встретимся.

— Обычно мне до одного места мнение женщин обо мне, но в твоих глазах козлом быть не хочется, — уголки губ чуть дергаются – зародыш улыбки, которая так и не появилась на его лице. — Ты еще совсем молодая и не теряла близких, а я терял, поэтому смерть животных меня не трогает так, как тебя, но очень бесит человеческая глупость, из-за которой страдают другие, неважно, люди это или животные, — извинений от Тихомирова никто не ждал, но то, что он объяснился, мне было приятно. А еще захотелось узнать, кого он потерял.

Неужели смерть родителей так на него повлияла, оставив глубокий след в душе? Тогда что с ним произойдет, если Ваня продолжит отказываться от лечения? Легко хранить секреты, так я думала раньше, пока Ваня не посвятил меня в свою тайну. Тайна, от которой зависит

жизнь дорогого не только мне, но и Глебу человека. Чувствую себя предательницей, как бы я ни поступила. Предать Ваню не могу, но сама медленно погибаю, оттого что приходится скрывать. Сейчас я отчетливо понимаю: Глеб должен знать. Должен знать, чтобы бороться за жизнь брата, чтобы не винить себя всю оставшуюся жизнь, что мог помочь, но ничего не сделал. Я ведь тоже буду себя винить, если с Ваней случится самое страшное.

— Что я должна буду делать? — лучше перевести разговор в безопасное русло, пока я не предала единственного хорошего человека в моей жизни. Сначала мне нужно поговорить с Ваней, убедить его рассказать все Глебу.

— Быть рядом, — вроде ничего подозрительного в ответе нет, но мне кажется, что он вкладывает в слова немного другой смысл.

— Сидеть рядом и молчать? — пробую уточнить.

— Почему же молчать? Я бы с удовольствием тебя послушал, — и вновь проскальзывает какое-то неясное подозрение.

— Люди, с которыми мы встречаемся...

— С ними я уже все обсудил по телефону, — перебивает меня Глеб, теперь на его лице появляется улыбка. — Я хотел пригласить тебя на обед, но был уверен, что ты откажешься, — тормозит возле ресторана. — Простишь мне ту ложь? Мы с тобой не с того начали, дашь шанс изменить обо мне мнение?..

Глава 16

Милада

Так и вертится на языке: мягко стелет, да жестко будет спать. Вряд ли мое мнение изменится. Глеб властный, жесткий мужик, привык, что мир крутится вокруг него, окружение заглядывает ему в рот. Таких, как он, другие мужчины боятся, ненавидят, уважают, а женщины обожают и прощают его холодность.

Как к нему отношусь я? Сама не знаю. Меня к нему влечет, я хочу сыграть по-взрослому, но боюсь проиграть. Он матерый волк, а я всего лишь щенок. В таких подлецов легко влюбиться и трудно забыть. С другой стороны, меня ни к кому так не влекло, как к Глебу. Получить сексуальный опыт с ним заманчивее, чем сделать это со своим ровесником. Тем более к ровесникам меня не тянет: не возбуждают ни мысли, ни разговоры, ни тело, ни мозг, ни запах, ни голос, ни поведение...

Долго можно перечислять. Скажу проще, хочется воспользоваться его опытностью, не подключая чувств, и разойтись каждый своей дорогой.

— Ты не ответила на мой вопрос, — напомнил Глеб, когда нас проводили в зал. Мы заняли столик в уютном уголке, отделенном от общего зала большим живым деревом.

— Не думаю, что вам есть дело до моего мнения о вас, оно ни на что не повлияет, даже если бы я его озвучила.

— Я бы послушал, но вряд ли оно будет лестным, — улыбаясь одними уголками губ, взгляд оставался цепким и холодным. Хотя порой там вспыхивали обжигающие искры, например, когда я закинула ногу на ногу. — Давай на «ты», хотя бы когда мы наедине.

— Хорошо, — еще утром я бы съязвила по поводу разницы в возрасте и уважения к старшим, но сейчас легко уступила.

Официант подал нам меню, я так внимательно классику в школе не изучала. У нас была дотошная училка русского языка и литературы, можно было получить тройку за неверно сказанное отчество героя, неправильное название населенного пункта или еще какую-нибудь, на мой взгляд, мелочь. Изучать состав блюд было предпочтительнее, чем ерзать на стуле под взглядом Глеба, он словно изучал меня, пытался понять, проникнув в голову. Интересно, его мои тараканы очаровали или разочаровали?

— Ты улыбаешься, — констатирует очевидное. Я-то думала, что удачно спряталась за раскладушкой меню.

— Хотела попробовать тараканов, но их здесь не оказалось, — с серьезным выражением лица. Это стоило сделать, чтобы посмотреть, как брови Тихомирова сходятся над переносицей, ему почти удастся не скривиться.

— Может, что-нибудь из традиционной кухни? — наверное, представил, как они расползаются по моей тарелке, а я ловлю их голыми руками и пихаю в рот, хрустя зубами.

— На твой выбор, — маска на лице Глеб держится, будто она приклеена насмерть, но я не сомневаюсь, что мысленно он облегченно вздохнул. Не буду разочаровывать, пусть думает, что я не прочь питаться всякими ползущими тварями.

Глеб расспрашивает меня о семье, рассказывает какие-то истории из пошлого, где фигурирует отец. Мой папа рано женился, но еще не нагулялся, и первые скандалы в моей семье стали происходить, когда мама сидела беременная дома, а папа вляпывался в какие-то истории с друзьями. С годами мало что изменилось, но это я оставляю в себе, не люблю говорить о семье, не люблю открываться, только Ванька видит меня без маски. Мы разговариваем о любых местах в родном городе. Разговор течет плавно и легко. Я расслабляюсь, получаю удовольствие от обеда в компании красивого мужчины. От десерта я отказываюсь, сладкого на сегодня достаточно.

— Милада, я бы хотел пригасить тебя завтра на ужин, — интонация его голоса меняется, я чувствую, как он напрягается в ожидании ответа. Я и сама напряжена, потому что это чуть больше, чем «хотел бы изменить твое мнение о себе».

— Ты приглашаешь меня на свидание? — пытаюсь казаться уверенной, на самом деле прячу нервозность.

— Да, — твердо.

— Я... подумаю.

Хочется ли мне пойти с Глебом на свидание? Не буду себе врать, хочу. Но я же девочка, поэтому не должна быстро сдаваться. Будь я лет на десять старше, прямо бы сказала «давай переспим», а пока хочется подергать хищника за усы – получить удовольствие от противостояния, от предвкушения, прелюдии, ухаживаний. Что-то я многого хочу, как бы не остаться у разбитого корыта.

— Нам пора возвращаться в офис, — я первой встаю из-за стола, не жду, когда мне отодвинут стул.

Глеб оказывается сзади, кладет руки на плечи. По телу прокатывается волна мурашек. Замираю, слишком ярко ощущаю его присутствие.

— Только об этом и думал после того, как ты покинула кабинет, — резко разворачивает к себе, фиксирует подбородок пальцами и целует...

Глава 17

Милада

Остаток дня я провела с ребятами, Ванька погрузился в свою работу, а мне стало скучно. Слишком нетребовательный у меня начальник, а еще мне сложно было врать, но признаться, что мы с Глебом просто обедали, не смогла. Хотя мы не просто обедали, мы еще целовались. Начали в ресторане, а потом еще на светофоре, подъезжая к офису, Тихомиров резко наклонился, схватил за лицо и впился в губы: грубо, жестко, царапая губы зубами, будто хотел укусить, но с трудом сдерживался. Заклеймил. А мне, блин, понравилось, хотя я старалась этого не показать.

— Это было не очень приятно, — холодным тоном, когда он отпустил меня.

— А мне понравилось, — в его взгляде читались порок и предвкушение.

— Мне всегда казалось, что удовольствие должно быть взаимным.

— Я научу тебя получать удовольствие от самых разнообразных ласк, — в его тоне было обещание и предупреждение. В солнечном сплетении запекло, по телу побежали мурашки, которые точно знали, где нужно затянуть узел, чтобы я ощутила весь спектр возбуждения.

— Интересное предложение, но вряд ли оно меня заинтересует, — не собиралась я быстро сдаваться, хотя наш разговор будоражил каждое нервное окончание в моем организме.

— Милада, в твоем случае это обещание, — его уверенность взрывала мозг. Я была готова уступить, но на своих условиях.

— Посмотрим, — постаралась загадочно улыбнуться, не знаю, получилось или нет.

Блин, ну почему мне не хватает опыта общения с мужчинами? С такими вот мужчинами! Я ведь росла в обеспеченной семье, состоятельные гости в нашем окружении – данность, но я не оттачивала ни на ком из них искусство флирта. И я не могу сказать, что в пятнадцать или шестнадцать лет не созрела, внешне я выглядела достаточно взросло, но мне было неинтересно. Никто их папиного окружения не привлекал так, как Глеб.

Вспоминая папиных партнеров, коллег, друзей, я честно признавалась, что среди них были достаточно интересные экземпляры, за которыми бегали толпы не пристроенных или неудовлетворенных браком женщин. К последним относилась и моя мама, если верить тем словам, что отец бросал в запале ссоры. У родителя у самого было рыльце в пушку, он был одним из утешителей тех самых «несчастливых» чужих жен. Почему-то мама и папа не могли утешиться в объятиях друг друга, но и развестись никак не могли.

Поднявшись на нужный этаж, от Глеба я услышала «спасибо за обед». Не провожая меня даже взглядом, он свернул в сторону своего кабинета, а я вернулась к Ваньке. Осталось неприятное послевкусие от прощания, будто мне чего-то не хватило: теплого или страстного взгляда, каких-то слов, пусть не нежных, но выражающих интерес. Обида маленькой змеей легла на сердце. Возможно, это все-таки недостаток моего общения с мужчинами...

— Милада, Глеб тебя обидел? — Ванька уже второй раз задает этот вопрос, значит, выдаю себя чем-то.

— Не обидел меня твой брат ничем, не переживай. Ксюша звонила. Собираются курсом отметить окончание сессии, — растягиваю последнее предложение.

— Название клуба знаешь? — Ванька сходу улавливает суть незаданного вопроса.

— Нет еще.

— Если проверенный, отпущу одну, но заберу сам. Если полная шняга, то никуда не пойдешь, — категорично заявил он.

— А если не совсем шняга, пойдешь со мной? — улыбаясь.

— Пойду, за твоей неугомонной задницей лучше присматривать.

Мы последними покидали кабинет в нашем отделе. Соня напоследок еще раз забежала к Ваньке на минутку и провела там полчаса. Я не стала мешать, понимала, что она хочет показать мне, что он с ней. Застолбить таким образом парня или, может, сделать мне больно. Но больно мне было из-за Вани по другой причине: недостойна эта сука такого парня! Вышла она потрепанная, с распухшими губами, бросила на меня победный высокомерный взгляд и гордо удалилась. Идиотка! Войну с тобой я точно не проиграю!

На стоянке почти не было машин, я искала взглядом ту, которая принадлежала Глебу. Он еще оставался в офисе. Я была не против его увидеть, поймала себя на этой мысли и тут же осеклась. Бойтесь своих желаний. Увидела. Мы как раз выезжали со стоянки, а он шел к своему автомобилю с высокой незнакомой блондинкой, придерживая ту за талию. Непринужденно улыбаясь, он внимательно ее слушал.

Увидев нас, всего лишь на секунду повелся – пропала улыбка, и взгляд стал хищным, но тут же все его внимание вернулось к девушке, будто нас он не заметил. Его рука заметно сползла вниз, на что его спутница никак не отреагировала. Этот жест говорил об их близости, мне стало очень неприятно, подавила в себе желание обернуться.

— Это любовница Глеба – Алена...

Глава 18

Милада

Я сидела на детской площадке. Одна. Кругом тишина, даже собаки не лают. На часах первый час ночи. Два часа назад к нам заявила Соня. Мне она глубоко неприятна, но глаза Ваньки загорелись при ее появлении. Обидно, что она не из-за него пришла, а ради проверки. Хотела убедиться, какие между нами отношения.

Ване нужны положительнее эмоции, может, она заставит его лечиться, даст надежду? Хотя в это я не верю. Эгоистичная стерва, которая думает только о себе, на жертвы не способна. Возможно, в другой день я бы их наедине не оставила, но я устала. Несколько часов перед Ванькой изображала, что все хорошо, а в голове звучало:

— Это любовница Глеба – Алена. Дочь крупного инвестора. Тот давно мечтает их поженить, но брат тянет резину. Они то сходятся, то расходятся. Не знаю даже, на каком этапе сейчас их отношения, — Ванька говорил, а я ощущала вкус горечи во рту. Самые запоминающиеся поцелуи в моей жизни были приправлены ложью.

Глеб мне ничего не обещал, тут мне предъявить нечего. Но все равно гадливое чувство никак не получалось прогнать из души. Только я определилась с первым сексуальным партнером, как выяснилось, что мне нужно занять очередь.

К этому делу нужно подойти разумно, без лишних эмоций. Переспать, получить свой опыт, если понравится – взять за эталон. Использовать Глеба и спокойно отпустить. Сколько бы совместных ночей мы ни провели вместе, я не должна к нему привязываться. Симпатия или легкая влюбленность допускается, я ведь не робот, чтобы заниматься сексом без эмоций, но не больше.

Тишина пошла на пользу. Я немного успокоилась. О том, что этой ночью Глеб с другой, старалась не думать и не представлять. Телефон в кармане коротким гудком сообщил о входящем сообщении.

«Возвращайся домой. Хватит там сидеть».

Всевидящее око Ваньки спалило меня на самой дальней и темной скамейке. Машина Сони все еще стояла у нашего подъезда, в кухонном окне виднелся одинокий силуэт моего друга, в темноте яркой точкой горел экран телефона. Хотела ответить, что скоро приду, но, увидев, как из подъезда вышла Соня, передумала. Как только она отъехала, я вернулась домой.

— Больше не уходи, — серьезным тоном сказал Ваня, как только я переступила порог. Вглядываясь в его лицо, не могла понять, расстроен он или нет. — Ты здесь не гостья, Милада, ты живешь в этом доме.

— Все нормально, прогулка на свежем воздухе пошла мне на пользу, — постаралась улыбнуться.

— Идем спать? Завтра вставать рано.

— Ты со мной ляжешь? — тихо спрашиваю в тишине коридора.

— Если хочешь.

— Хочу, — не знаю, как объяснить, но этой ночью мы нужны друг другу. Я просто это чувствую. Обычно мне нужен Ванька, но сегодня все наоборот.

Не раздеваясь, ложимся поверх покрывала, я накрываюсь простыней, Ваня прижимает к себе, когда я кладу голову ему на грудь, подкладывая под щеку ладонь.

— Не хочешь рассказать? — в спальне темно, но я знаю, что он смотрит в потолок и думает о чем-то неприятном.

— Не сегодня...

Будит меня Ваня. На стуле комплект одежды, на прикроватной тумбочке завтрак.

— Быстро в душ, сейчас кофе принесу, — командует друг, когда я съедаю омлет с помидорами и зеленью. Он уже собран, я смотрю на часы — если не потороплюсь, точно опоздаю.

Кофе выпиваю на ходу. Быстрый легкий макияж, волосы собираю в высокий хвост. Выгляжу стильно, обтягивающие бедра брюки-дудочки черного цвета, туфли с открытым носом, зеленая рубашка от летнего костюма, который я обычно носила на пляж. Никогда бы не подумала, что можно заправить, чуть выпустив край, и будет так хорошо смотреться.

Глеба мы не встретили, но его машина уже была на стоянке. Ближе к обеду курьер приносит мне цветы в кабинет Вани, записки нет. Брови друга выгибаются, когда он возвращается в кабинет. Придирчиво смотрит на корзину роз, которая теперь стоит в углу, будто провинилась.

— От кого?

Я пожимаю плечами.

— Судя по тому, какое впечатление ты произвела на взрослых мужиков с бабками, скоро тут оранжерея образуется, — ровно произносит он и подходит к букету, но больше не комментирует.

Во время обеда мне звонит школьный друг — Альберт, который приехал в Москву на просмотры в столичный футбольный клуб.

— Милада, я на три дня, — после приветствия и выяснения «как у меня дела». — Покажешь Москву? — мы неплохо общались в школе, я знала, что нравлюсь ему, но как-то дальше этого знания мы не продвинулись.

— Берт, я и сама ее почти не видела, — смеюсь в трубку. Когда мне было гулять по Москве? Все время занимала учебу, теперь вот работа.

— Тогда возьмем гида, но три свободных вечера ты обязана подарить мне, когда мы еще увидимся?

— Так ты со мной приехал увидеться или пройти просмотры?

— Одно другому не мешает, совмещу приятное с полезным, — у Берта прекрасное настроение, и оно передается мне, раньше он рядом со мной был зажат, с другими веселился и отрывался.

— Куда просматриваешься?

— В дубль ЦСКА, — без понтов, спокойно сообщает.

— Желаю удачи.

— Ты не ответила.

Я почти забыла, что Глеб приглашал меня на ужин. Сегодня я не хочу его видеть, а встретиться со школьным другом вполне готова и согласна.

— Я буду рада тебя видеть.

— Тогда я позже наберу, — он сбрасывает звонок. Ванька задает несколько вопросов, хочет убедиться, что я хорошо знаю Альберта, и ему можно доверять, но в конце все равно включает контроль:

— Сначала пусть к нам заедет, хочу с ним познакомиться.

— Зачем, Вань?

— Затем. Знаешь, что семьдесят процентов изнасилований — это хорошо знакомые мужчины?

— Вань... — вижу упрямое выражение лица и сдаюсь. — Хорошо.

Когда позже на телефон приходит сообщение, я почти уверена, что оно от Альберта.

«Понравились цветы? Я все еще жду ответа на мое приглашение. Поужинаешь со мной?»

Глава 19

Глеб

«Извини, не получится. За цветы спасибо».

Отбросив на стол телефон, пытаюсь понять, что такого раздражающего в ее ответе. Сухая формальность? Обычно женщины в моем окружении пытались объяснить свой отказ, рассыпались в извинениях и просили перенести встречу или свидание. Отказывали редко и по уважительной причине. Долгие извинения вызывали раздражение.

С Миладой все наоборот. Впервые хотелось потребовать объяснений. Где она собирается провести вечер? А главное – с кем? Закипаю с пол-оборота, стоит только представить ее с другим.

Она не та девочка, которая должна греть мою постель, но хочу я именно ее, а значит, тут без вариантов. Я решил сделать ее своей, пока учится в Москве, поэтому пусть сидит дома и ждет! Желательно пусть съедет от Вани на свою квартиру. Я оплачу. Меня напрягает их сожителство. Что бы брат ни говорил, не может у него не вставать!

Как я поступлю с Миладой потом? Я не собираюсь удерживать ее около себя вечно. В любой момент она сможет уйти, мне не нужна семья, серьезные отношения – не мое.

Слишком много думаю о ней, и это тоже напрягает. Почему Милада? Вчерашняя соплячка выворачивает мне – Глебу Тихомирову – нутро! Не флиртует, не предлагает себя, когда целую, чувствую искренний чувственный отклик, но на этом все. Всегда знаешь, что баба на тебя запала. Так вот, Лада не дает себя почувствовать, как закрытая книга, да еще и с ребусами. Ощущение, что так она себя ведет со всеми.

Негромкий стук в дверь прерывает поток напряженных мыслей. Вероника уже ушла, в дверь заглядывает Алена.

— Привет, — проходит в кабинет.

— Привет.

— Завезла Антону документы, отец попросил. Ты еще не уходишь? — садится на подлокотник, целует в щеку, хотя обычно в губы.

— Нет, поработать надо.

В воздухе висит неловкость, напряжение. Вчера я пригласил Алену к себе, поужинали, трахнулись, а потом я вызвал ей машину, не захотел оставить на ночь у себя. Почувствовала бабьем чутьем, что в моей жизни опять перемены.

— Новое увлечение? — одеваясь, спросила меня Алена без осуждения в голосе. Это удивительно, но даже когда я впервые от нее уходил к другой, была такая реакция.

Наверное, в таких случаях должно быть неудобно, я, как подлец, обязан чувствовать за собой вину, но этого никогда не было. Терпит такое отношение, значит, ей это нужно, значит, получает от этого свой мазохистский кайф, жалеет себя – такую хорошую – и верит, что получится исправить меня – такого плохого. Если бы я собирался жениться, Алена стала бы первой кандидаткой, устраивающей меня по многим параметрам: красивая, сексуальная, готова к экспериментам в постели, добрая, самодостаточная, умеет вести себя в обществе, верная, в будущем возможно объединение бизнеса с ее отцом, мудрая баба, которая закрывает глаза на все мои увлечения.

— Да, — я не собираюсь ее обманывать. Пусть кто-то скажет, что мое отношение – это неуважение к ней, но Алене я никогда не врал.

— Надолго? — старается говорить равнодушно, но я знаю, что прячет боль.

— Как получится. Не знаю, — отворачиваюсь к окну. Не хочу обсуждать Миладу с ней.

— Еще не затащил в постель? — удивленно хмыкнула она.

— Закрыли тему. Алена, найди себе мужика, который сделает тебя счастливой, — много раз предлагал завести нормальные отношения, не хочет, ждет, пока я выйду их загула.

— Ты все равно ко мне вернешься, Глеб. Я не оставлю тебя, — грустно улыбнулась, подхватила сумочку и ушла. Хорошая она девчонка, но я не научился ценить. Вышел проводить, когда она уже села в машину...

Возможно, вчера Алена была права, но я не хочу, чтобы она ждала, теряла свое время. Смотрю на нее, пауза затягивается, не знает, что сказать.

— Подождать тебя? — спрашивает Алена.

— Зачем?

— Поужинаем вместе, — ведет плечами. Вспоминаю, что на ужин я сегодня приглашал другую, почему-то злюсь.

— Я к Ивану собираюсь заехать, — неожиданно даже для себя.

— Я могу составить вам компанию. У Вани девушка появилась? Видела их вместе, когда к Антону поднималась. Красивая девочка, — искренне восторгается Миладой.

— Не сегодня, — я не собираюсь скрывать от нее Миладу, но и форсировать их вероятное знакомство не планирую. — Насчет девушки ты ошиблась, это его стажерка.

— Да? Разве стажерок так бережно обнимают за талию? Глеб Владимирович, ты явно что-то упустил...

Глава 20

Глеб

Купив бутылку виски и пачку сигарет, подъехал к дому брата. Давно мы с ним не бухали вместе, и я поэтому бросил дела? Себе врать я не любил. Я здесь, потому что хотел знать, чем занята этим вечером Милада. Слова Алены до сих пор крутились в голове. Злился. Если выясню, что Ваня меня за нос водит, а сам трахает Миладу...

Что? В рожу дам?

Достаю пачку сигарет, подбиваю и прикуриваю. Это уже третья за последний час. С учетом того, что я курю только на нервяках, это не мало. Выхожу из машины, курю и смотрю в знакомые окна. Как пацан вчерашний. Так непривычно для меня, что хочется послать все и свалить домой. Злюсь на себя, на эту парочку недо друзей. Забираю бутылку из машины, сигареты кладу в карман и поднимаюсь в квартиру брата.

Деду Морозу Ванька меньше удивился бы, чем мне. Такая реакция полоснула тупым ножом по сердцу. Отдалились мы друг от друга за последний год. Неправильно это. Вдвоем остались, наоборот – сблизиться должны, а мы как чужие. Я с Киром и Антоном больше времени провожу, чем с Ванькой. Выпал он из нашей компании, а я и не заметил, как это произошло.

— Заходи, — кивает Ванька, шире открывая створку двери. — Случилось что-то?

— Я к тебе без повода зайти не могу? — раздраженно хмыкнув, переступаю порог, бутылку виски протягиваю Ваньке.

— Обычно без повода ты не заглядываешь, — разглядывает этикетку на бутылке, одобряет кивком головы мой выбор.

Заваливаемся вдвоем на кухню. Везде идеальный порядок. В доме тишина – и она напрягает.

— Ты один? — сам подхожу к бару, достаю стаканы. — А стажерка где? — уточняю, потому что Иван не спешит отвечать, копается в холодильнике.

— С другом, — отвечает, не глядя в мою сторону, ставлю стакан на стол, пока он у меня в руках битым стеклом не остался. На часах почти десять. Вроде детское время, а меня бесит. Бесит, что на дворе темно, а она не дома.

— Что за друг? — разливаю виски, пока Ванька готовит закуску. Не жду его, вливаю в себя полстакана, наполняю заново.

— Школьный. Футболист с Новосиба. Приехал на просмотры в ЦСКА, — информации мало, но Кир уже к утру мне все о нем разузнает. Не понравится мне хоть что-то, пусть забудет о карьере футболиста!

Я напряжен. Выхожу курить каждые двадцать минут на балкон, время первый час ночи, ее еще нет. С Ванькой говорим обо всем на свете, но только не о том, что меня интересует – где ее носит до сих пор?!

Виски закончился, а мне хочется нахлестаться, потому что на часах полвторого. Возвращаюсь с балкона, где в три затяжки иссушил сигарету до фильтра, Ванька с кем-то разговаривает по телефону. Из обрывков разговора понимаю, что он напоминает Миладе о времени, а она уверяет, что скоро будет.

— Я не лягу спать, пока ты не придешь, — отрезает брат, будто разговаривает с младшей сестрой. Такой формат отношений я могу принять, но ее шатания с незнакомыми мужиками нужно прекращать.

— Ладно, я тоже пойду, — сдергиваю со спинки стула пиджак, даже пытаюсь его на себя натянуть.

— Ты выпил, оставайся сегодня у меня, — предлагает брат. Я почти весь вискарь в себя влил, Ванька почти не пил.

— И где я буду спать? — усмехаясь. Хотя я знаю, в чьей кровати предпочитаю остаться.

— Ляжешь в моей комнате, я пойду к Миладе, — спокойно сообщает Ванька, а я чуть из рук не выронил ключи.

— Что значит ты будешь спать с ней? — голос звучит угрожающе.

— Не поверишь, но с девушкой можно просто спать, не склоняя ее к сексу.

— У тебя проблемы с потенцией? — и я, мля, не шучу. Меня до сих пор кроет от мысли, что они лежат в одной постели, пусть даже между ними нет секса.

— Справка от врача тебя успокоит? — ухмыляется брат. — Милада мне как сестра, она во мне тоже видит брата.

— Я не знаю половозрелых братьев и сестер, которые спят в одной постели, — повышаю тон, потому что мне не нравятся мысли, которые рождает это братское откровение. — Тем более вы не родственники, чтобы такое себе позволять!

Она не ощущает его утренний стояк? Он ведь по-любому бывает! В сонном состоянии ты тянешься к телу, которое лежит рядом. Хрен ты разберешь, к кому там пристаешь!

— Трахай я Миладу, ты был бы спокоен? — выгибает недовольно брови.

— Я пойду, — потому что мы можем подраться, я в шаге от того, чтобы ему двинуть. Виски в крови не уменьшает злости, а подогревает ее.

Ванька молча провожает, не провоцирует, будто чувствует мое состояние.

— Я тебе такси вызову.

— Я своего водителя вызову, — бросаю у открытой двери. Выхожу, захлопывая створку.

Никого не вызываю, сижу в своей тачке. Курю в открытое окно, жду, когда появится одна не в меру дружелюбная малолетка...

Глава 21

Милада

— Ты сумасшедший? — смеясь, сказала я Берту, когда он предложил мне остановить такси и пойти искупаться в фонтане, возле которого мы проезжали.

— Ты скучная, — скривил лицо парень.

Он шутил, а я улыбалась. Вообще весь вечер смеялась и веселилась. Вечер вышел веселым и непринужденным. Не пожалела, что пошла, хотя вначале были сомнения.

— Прекрати прикалываться, мокрыми нас ни в одно такси не пустят.

— Я не предлагаю лезть в одежду, — поиграл он бровями, а я опять засмеялась.

— Ты определись, хочешь стать известным футболистом или попасть в сводки дежурной части, — даже таксист засмеялся.

С Альбертом было легко, за этот год он не сильно изменился, только теперь не зажимался в моем обществе, а вел себя открыто и раскрепощенно, как с другими девчонками, к которым был безразличен, но которые с ума сходили по нему.

Мне не было обидно, что я перекочевала в ряды «безразличных». Я отдыхала в его компании. Мы даже несколько раз поцеловались. По-взрослому — долго... страстно... с языками. Он потянулся, а я секунду раздумывала, нужно мне это или нет. Решила сравнить с Тихомировым, эта мысль давно посещала бедовую голову, а тут реальный шанс проверить.

Глеб выигрывает по всем статьям. Альберт хорошо целуется, проблема не в технике, а во мне. Я не реагирую на его поцелуи так, как на поцелуи Тихомирова. Приятные, даже немного волнующие, они не заставляют плавиться мое тело, внизу живота не тянет, не закручивается тугой узел возбуждения, и на ногах я остаюсь стоять уверенно. Если мысль и была потерять девственность с Бертом, то я ее отменяю, а вот провести два оставшихся вечера вместе согласилась.

— Ну что, будем целоваться или просто попрощаемся? — мы подъехали к дому, Берт вылез следом за мной из такси, попросив водителя подождать. Я не ответила, направилась к подъезду. Поцелуи займут какое-то время, а у меня уже глаза слипались.

Альберт решил взять решение вопроса на себя, развернул к себе и потянулся к губам.

— Обычного «доброй ночи» будет достаточно, — я не сразу узнала этот голос, но угрожающие жесткие нотки заставили меня отскочить от парня. Возможно, Глеба узнало мое подсознание — по запаху сигарет, по дороговому аромату парфюма.

Взгляд Глеба проходится по моему платью, в молчаливом укорее читается, что длина его не устраивает.

— А ты кто такой? — Альберт включает борзоту. У кого-то плохо работают инстинкты. В данном случае самосохранения.

— Милада...

— Это старший брат Ивана, — не знаю, что собирался сказать Тихомиров, но я его опередила. Представлять не стала специально, не понравился тон Глеба. И вообще, что он здесь забыл в это время? — Ладно, я домой, всем доброй ночи, — спокойным тоном, чтобы поставить тихую точку в этом вечере. Я надеялась, что они разойдутся по своим машинам и отчалият поскорее по домам.

— Я обещал проводить тебя до двери, — заговорил Берт, недовольно косясь в сторону Глеба. С Ванькой они нормально пообщались. А тут ситуацию усугублял Тихомиров-старший, который зло смотрел на парня.

— Я сам доведу ее до квартиры, — выговаривая слова сквозь зубы. — Доброй ночи, — при этом выразительно смотрел на Берта, посылая его своим взглядом. Невыносимый грубиян.

Повисло напряжение, которое никто не знал, как разрядить. Альберт, спрятав руки в карманы брюк, не спешил уходить.

— Берт, до завтра, — подошла и поцеловала парня в щеку. Демонстративно. Нечего мной командовать. — Вечером увидимся, — тепло улыбнувшись.

На Глеба не смотрела, да этого и не нужно было – и так понятно, что он злится. В воздухе будто озоном запахло, как бывает перед грозой.

— До завтра, я наберу, — Берт, оглянувшись пару раз, наконец-то сел в такси. Машина не успела скрыться за поворотом, как мою руку поймали в тиски и потащили к автомобилю.

Не хотелось оставаться с разъяренным Тихомировым наедине, но выбора у меня, видимо, не было. Придется принимать удар на себя. В таком состоянии я его уже видела. Тогда в клубе он не сдержался и ударил парня, поэтому сегодня, можно сказать, обошлось малой кровью.

— Объяснишь свое поведение? — холодно поинтересовалась, как только меня закинули на пассажирское сиденье.

Глеб не ответил. Пока он обходил машину, я взяла в руки телефон. Если что, позвоню Ваньке. Хотя не хотела вмешивать его в конфликт. Тихомиров сел на водительское кресло, закурил, выпуская в окно рваные облака дыма. На меня не смотрел.

— Если ты собрался молчать, я лучше пойду. Может, получится поспать, — не успела дотянуться до ручки двери, как он резко дернулся ко мне и схватил за горло, перекрывая кислород.

— Это что за блядское поведение?!

Глава 22

Милада

На несколько секунд я как-то присмирела. Еще бы не присмиреть, до такой степени рас-
терялась, что выпала в осадок и забыла все нематерные слова.

«Меня только что обозвали блядью? Я правильно понимаю?»

— Какого хрена ты заигрываешь с мужиками, которые еще не научились держать член
в штанах? — продолжает свирепствовать Тихомиров. Если бы он не заблокировал двери, я
бы уже послала его на тот самый орган, о котором сейчас упоминалось, хлопнула дверью, не
прощаясь.

— Глеб Владимирович, до встречи с вами я прекрасно ладила с мужчинами, никто не
набрасывался на меня с криками «не могу удержать член в штанах!», — произношу холодно
и спокойно. Нацепила маску и снимать не собираюсь, если окончательно не выведет.

— Милада, прекрати утрировать! — угрожающе навис надо мной.

Глеб был злой, очень злой. Крылья носа раздувались, слова цедил сквозь зубы, глаза
горели бешеным темным огнем, но мне было глубоко фиолетово на его злость, ко мне нако-
нец-то вернулся дар речи и не только...

Замахнувшись, я от души приложила ладонь к его щеке. Заслужил, даже если думает по-
другому. В машине повисла тишина. Знаете, такая пугающая, как бывает в фильмах ужасов,
когда на героиню нападает монстр. Вот этот самый монстр перестал даже дышать. А у меня
ладонь горит...

— Это за блядь? — потирая руку, выговариваю спокойным тоном. Не стоит разжигать
ссору в маленьком замкнутом пространстве. — Если за меня некому заступиться, это не зна-
чит, что вы можете меня оскорблять. Для бляди я слишком невинна, а на вас, Святой Глеб
Владимирович, пробы ставить негде, — поучительно так, чтобы у него глаз задергался.

Тихомиров, не веря, что я его ударила, приложил пальцы к щеке, погладил красный след.
В его глазах разгорался Армагеддон, ну все, пипец мне.

— Если бы ты была мужиком... — хватает больно пальцами за подбородок, разворачи-
вает к себе. На коже точно останутся следы, никакая тоналка не замажет.

— Если бы я была мужиком, — перебиваю, пока он не вогнал меня в мандраж сво-
ими подробностями экзекуции, — вы бы себя так не вели, — пытаюсь отпихнуть от себя.
— Девушку легче оскорбить, унизить, ударить, размазать и при этом не остаться с разбитым
лицом.

— Милада, лучше заткнись, пока действительно не стала первой телкой, которую я
захочу ударить! Я не назвал тебя блядью, но твое поведение... — рычит он и матерится. —
Танцуешь в клубе для толпы голодных мудозвонов, демонстрируя свое тело, сосешься со всеми
поряд, спишь в одной постели с моим братом! — теперь Глеб орет мне в лицо.

— Мои отношения с Ваней вам лучше не затрагивать, — тихо и угрожающе. Разозлил,
гад!

— Какие между вами отношения? — убирает руку с подбородка, хватает за плечи и
ощутимо встряхивает. — Какие, я спрашиваю?

— Вам не понять. Но можете быть спокойны, мы не трахаемся, и я не посягаю на его
свободу. Ты же этого боишься?

— Я ничего не боюсь, а ты перестань перескакивать с «вы» на «ты», бесишь! Ты со мной,
поняла? Со мной!

— Не поняла, — растягиваю гласные. — Вроде головой не билась, чтобы забыть такую
важную информацию. Вы меня с кем-то путаете?

— Ляжешь с кем-нибудь, удушу! — грозный рык, а в следующий момент на мои губы происходит успешная жесткая атака. Можно еще раз дать пощечину, но не думаю, что это остановит Глеба. Сильнее распалится и возьмет прямо здесь, поэтому я изображаю мумию — очень старую и зачоченевшую.

Наслаждайтесь, Глеб Владимирович!

Ответить хочется, что скрывать. Целоваться Тихомиров умеет, вот уже надавил на подбородок, заставил разомкнуть зубы, язык властвует во рту. Все сложнее заставлять свой язык лежать мертвым тушканчиком.

Заставляю свой мозг вспоминать всякие гадости: как я нашла в каше школьной столовой червя, и меня тут же стошнило, как папиному партнеру на лоб нагадила пролетающая над нашим домом птица, а он в тот момент ел кусок жирного шашлыка.

— С огнем играешь, Ладушка... Я тебя прямо сейчас отвезу к себе и оттрахаю так, что ты свое имя забудешь. До утра подо мной стонать и кричать до срыва голоса будешь, ноги свести не сможешь, — крепко удерживая мое лицо в своих руках. Ждет реакцию, а хрен вам, Глеб Владимирович.

— Пожалуйста, только Ване позвоните и моему отцу, предупредите о своих победоносных планах, — цинично пожимаю плечами. Сорвало Козлиныча, оттолкнув от себя, заводит машину и срывается с места.

Ванька, не бей мне жопу, пожалуйста...

Украдкой нажимаю на вызов. Глеб хоть и злой, но улавливает мое движение, забирает мобильный и выбрасывает в окно...

Глава 23

Глеб

Что я творю? Красная пелена перед глазами немного рассеивается, когда я пролетаю на третий по счету красный сигнал светофора. Сорвала забрало и ведь не в первый раз! Мл-я-я-я! Как ей удастся?

Не смотрю на девчонку, которая трясется на переднем сиденье, но стойко делает вид, что спокойна. Отравила все нутро! Это ведь не я, это неуправляемый псих, и место ему в дурке! Какого хрена я на нее набросился? Баб, что ли, мало? Есть красивее, умнее... доступнее! По крайней мере знают, дл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.